

ГОРОДЪ ВИЛЬНО.

Вильно.—Территорія города.—Его основаніе и историческія судьбы.—Достопримѣчательности города.—Христіанскіе храмы; музеи; библіотеки; архивы.—Кладбища.—Скромности: Антоколь, Тринополь, Берки, Поплавы, Гуры и т. д.

*О Литва моя святая, о мой край родной,
Мила мнѣ твои пустыни, твой просторъ глухой!
Неприглядно и непышно слотрпнть глушь твою,
Не наполнишь ты собою южные края.
Нѣтъ въ тебѣ, мой край родимый, нѣтъ такихъ
красотъ!*

*Небеса твои безъ блеска, сумраченъ твой видъ,
И очей пнтолцевъ юга онъ не поразитъ...
Не сверкаетъ въ водахъ твоихъ рѣкъ твоихъ волна,
А въ лѣсахъ твоихъ осина, ольха да сосна...
Если-жъ въ глубь твою, о, край мой, зорче кинуть
взглядъ,
Неожиданно въ ней встрѣтитъ драгоцѣнный кладъ:
Цвѣтъ чудесъ, фрегатъ британскій, баловень волнъ,
О Литва родная, срубленъ изъ твоей сосны!*

СЫРОВОМЛ.

ъ трехъ сторонъ окруженный живописными лѣсистыми возвышеніями, въ доли-
нѣ, при впаденіи р. Вилейки въ Вилію, лежитъ городъ Вильно, древняя столи-
ца великаго княжества Литовско-русскаго, нынѣ губернскаго города Виленской
губерніи. Только на сѣверѣ, за рѣкою Вилію, разстилается равнина, про-
стирающаяся почти на квадратную милю. Самое возвышенное мѣсто въ окрест-
ностяхъ города — Лысая гора, имѣющая 200 фут. высоты надъ уровнемъ Виліи,
который возвышается надъ моремъ на 188 футовъ. Городъ Вильно расположенъ
подъ 54° 41' с. ш. на Варшавской желѣзной дорогѣ, въ 707 вер. отъ Петер-
бурга и въ 504 отъ Варшавы. Онъ растянута отъ Остробрамской заставы до
Антокольской и далѣе Антокольскимъ предместьемъ до Вершубки на 6 вер.,
занимая площадь въ 1310 дес., при окружности въ 27 верстѣ.

Вильно принадлежитъ къ древнѣйшимъ литовскимъ поселеніямъ. Мы пи-
шемъ *Вильно*, а не *Вильна*, потому что такъ назывался этотъ городъ въ древ-
нихъ русскихъ актахъ. Укажемъ здѣсь на правительственную табель раскладки на города повин-
ностей въ 1501 году (См. Акты Зап. Рос., т. I., № 193). Здѣсь говорится *Вильно*, а не Виль-
на. Браунъ на планѣ 1555 года называетъ *Вильна*, также и нѣкоторые латинскіе хроникеры;
но въ русскихъ актахъ говорится Вильно.

З. и Ю. Р. *

Полагаютъ, что первоначальными основателями этого города были Славяне, изъ племени Волоты (Вильки, Лютики), во II вѣкѣ по Р. Х. Птоломей упоминаетъ объ нихъ, какъ о поселенцахъ береговъ Балтійскаго моря. Племя это двинулось потомъ на сѣверъ, впоследствии проникло на берега Нижней Одры и было грозою Германцевъ. Воскресенская лѣтопись (I, 48) говоритъ, что около 1128 г., когда Мстиславъ Великій напалъ на земли Кривичей, окрестные жители города Вильно избрали своимъ княземъ Ростислава Рогволодовича. Мы уже указали въ историческомъ очеркѣ, что выводъ князей литовскихъ отъ полоцкихъ весьма вѣроятенъ.

Сказаніе, или лучше догадка Длугоша, будто бы Вильно получило названіе отъ вождя Виллоса, пришедшаго изъ Италіи, не выдерживаетъ критики. Болѣе замѣчательно повѣствованіе извѣстнаго скандинавскаго путешественника по всему Сѣверу (въ XII ст.) Снорро-Стурлэсона, который пишетъ, что въ окрестностяхъ города Вильно (Вильни, Вилне, Вельне) онъ встрѣтилъ своихъ одноземцевъ, съ которыми могъ объясниться на родномъ языкѣ. Изъ лѣтописи Эрика

Видъ съ Замковой горы.

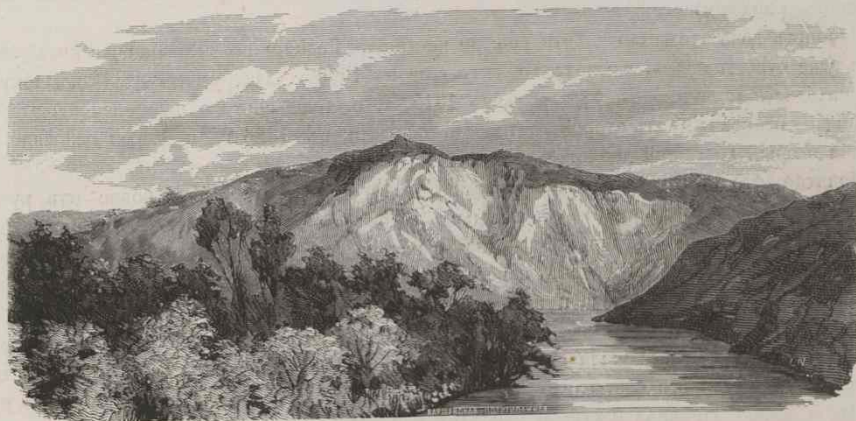
мы знаемъ, что еще въ IX ст. (около 880 г.) многіе Скандинавы поселились на прибрежьяхъ Балтійскаго моря. Весьма вѣроятно, что часть ихъ могла двинуться въ окрестности г. Вильно и здѣсь слилась съ туземцами, но еще въ XII ст. не забыла своего языка.

Въ до историческое время могли проникать сюда Славяне-Вильки, Скандинавы, могли здѣсь и господствовать князья, или вожди изъ рода князей полоцкихъ, но коренными обитателями были всегда Литовцы. Доказательствомъ древности поселенія въ Вильнѣ въ доисторическое время служить *городище*, съ подземнымъ ходомъ (до сихъ поръ существующимъ), съ воздвигнутою впоследствии на немъ башнею, отъ чего потомъ самая эта мѣстность прозвана *бикштой* (гдѣ нынѣ воспитательный домъ «Иисусъ младенецъ»). Здѣсь надобно искать главнаго поселенія въ древнѣйшее время, на берегу Виленки, или Вилейки, среди дремучихъ лѣсовъ. Съ теченіемъ времени, какъ вездѣ, городище превратилось въ крѣпость, вокругъ которой селились Литовцы. Дремучіе лѣса, двѣ рѣки, необходимыя принадлежности для первобытнаго человека, рыбакова-охотника, конечно привлекали его сюда по самому мѣстоположенію. Какъ вокругъ городища, такъ равно и по теченію *Виліи*, на *Антоколи*, на *Вервиубѣ*, могли селиться Литовцы, и надобно думать, что поселеніе это было весьма значительно въ XIII столѣтіи, когда сюда переселился великій жрецъ литовскій, вѣнатель воли боговъ народу, изъ чего ясно, что народу этого было уже здѣсь много.

Этимъ собственно и начинается историческій разсвѣтъ литовской столицы. Около 1270 г. князь Свинторогъ, или Свентерогъ, при впаденіи рѣки Вилейки въ Видію, въ долину, у по-

дошвы трех гор, основал капище Перкунаса. Здѣсь поселился Криве-Кривейте съ жрецами и вайделотками, здѣсь воздвигнута была башня, съ которой онъ вѣщалъ волю боговъ, зажженъ неугасимый огонь, для поддержанія котораго отведена особая роща, почитавшаяся священной, изъ которой дозволялось рубить дрова только для капища Перкунаса. Долина эта получила названіе отъ имени основателя храма, Свинторога. Послѣ смерти, на этой же долині было сожжено тѣло его, что повторялось каждый разъ послѣ смерти князей, оставшихся въ язычествѣ. Названіе долины Свинторога повторялось цѣлыя столѣтія почти до нашихъ дней. Долина Свинторога — нынѣ кафедральная площадь; храмъ Перкунаса, гдѣ нынѣ кафедральный соборъ; башня Криве-Кривейте, нынѣ колокольня (съ пристройкою) кафедральнаго собора; священная роща, гдѣ нынѣ садъ по-бернардинскаго монастыря и нынѣ называемый *Лай*.

В. князь Гедиминъ основалъ свою столицу въ Трокахъ. Трски могли быть въ то время важнымъ стратегическимъ пунктомъ, съ замками на сушѣ и на озерѣ Гальва; но не представ-

Видъ Бекешевой горы.

ляли тѣхъ удобствъ, какія по его понятіямъ были необходимы для великокняжеской столицы. Гедиминъ обратилъ свое вниманіе на Вильно, какъ на центральный пунктъ, гдѣ уже пребывалъ верховный жрецъ, гдѣ находился храмъ главнаго бога Перкунаса, гдѣ самая мѣстность представляла всякаго рода удобства, для основанія столицы, какъ въ городѣ, вѣроятно уже и тогда довольно населенномъ и гдѣ многія столѣтія существовало уже сильно укрѣпленное городище. Эти соображенія заставили дальновиднаго великаго князя избрать своею столицею Вильно.

Народная легенда, переданная Стрыйковскимъ, иначе описываетъ намъ основаніе въ Вильнѣ великокняжескихъ замковъ. Гедиминъ пріѣхалъ въ Вильно на охоту, говоритъ легенда. Въ дремучихъ лѣсахъ, окружавшихъ долину Свинторога, много убито разнаго рода звѣрей. Самъ же в. князь, на одной изъ прилегавшихъ высокихъ горъ, убилъ необыкновенной величины тура. Послѣ охоты и обычнаго пиршества великій князь уснулъ. Когда проснулся, онъ разсказалъ окружающимъ его придворнымъ видѣнный имъ сонъ, именно: на той самой горѣ, на которой былъ убитъ туръ, князь увидалъ большаго желѣзнаго волка, котораго пронзительный вой, казалось, выходилъ изъ внутренностей ста волковъ. Тогда литовскій первосвященникъ, по имени Лездейко, тотчасъ разъяснилъ значеніе сна: желѣзный волкъ—значить сильно укрѣпленный замокъ, который долженъ быть построенъ на этой горѣ, пронзительный же вой волка означаетъ многолюдный и славный городъ, который будетъ построенъ вокругъ долины Свинторога.

Легенда, можетъ быть, вполне справедлива. Истолкованіе сновъ, особенно первосвященникомъ, какъ и всякія его предсказанія, сильно дѣйствовали на воображеніе народа: народъ видѣлъ въ

нихъ волю боговъ, возвѣщаемую ихъ намѣстникомъ, Криве-Кривейтомъ. Немудрено поэтому, что Гедиминъ ранѣе условился съ Лездейкою, какъ онъ долженъ истолковать будто бы видѣнный имъ сонъ.

Такимъ образомъ, начало будущей столицы, въ глазахъ народа, было какъ бы освящено волею боговъ, возвѣщеною первосвященникомъ, предсказавшимъ ея величіе и славу.

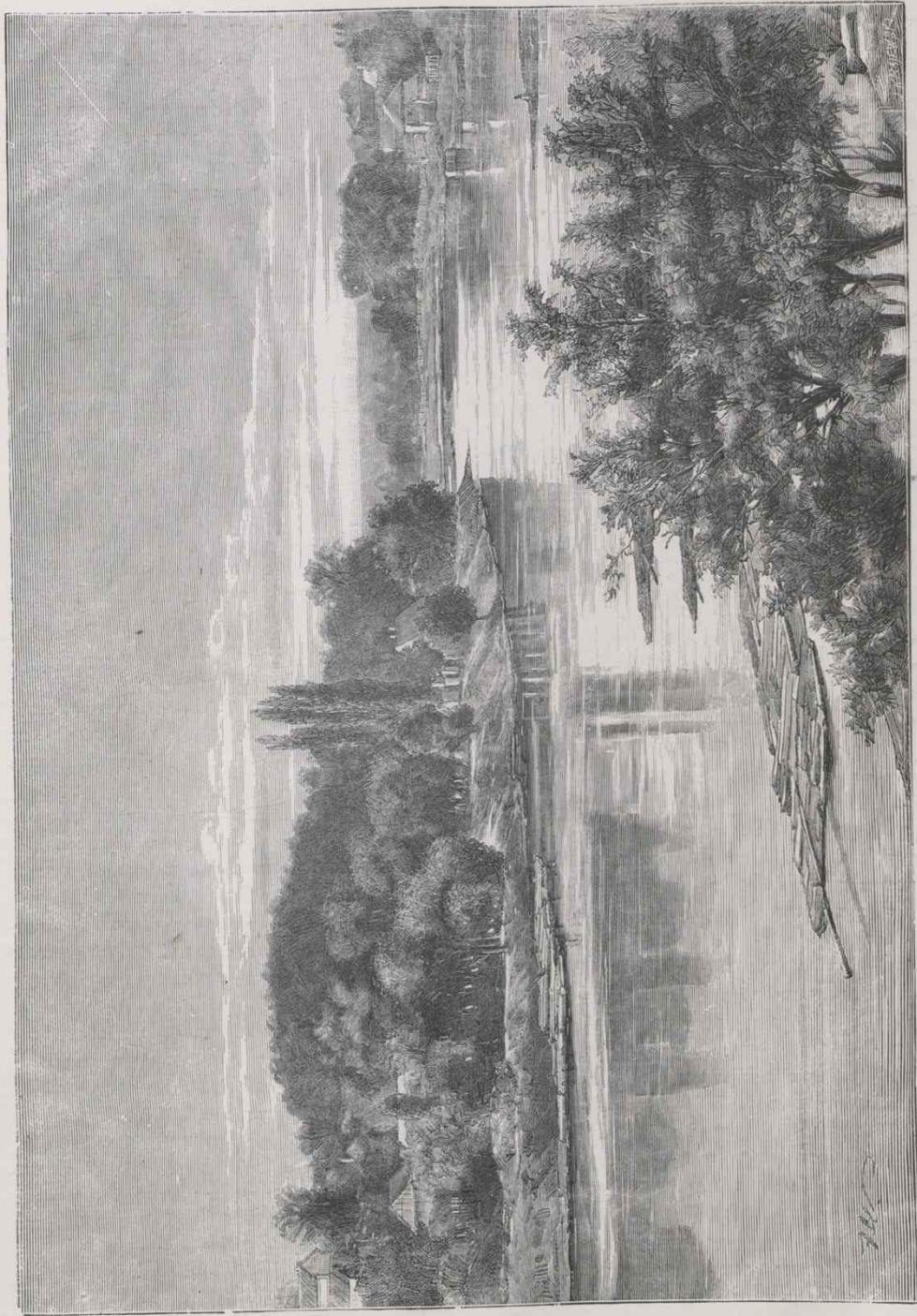
Первыя сооруженія шли быстро. Согнали тысячи народа, даже изъ Бѣлоруссіи, а работа вѣроятно была тяжела, когда у Бѣлоруссовъ съ того времени сохранилась поговорка, въ родѣ проклятія: «Штобъ табѣ ходиць у Вильно горы копаць».

Вскорѣ построенъ былъ замокъ на той самой горѣ, на которой Гедиминъ убилъ тура. Остатки стѣнъ замка и шестиугольная каменная башня сохранились и до сихъ поръ. Внизу, вблизи капища Перкунаса построенъ былъ деревянный домъ, въ которомъ и поселился Гедиминъ съ своимъ семействомъ. Мы знаемъ, что 2 октября 1323 года онъ уже жилъ въ Вильнѣ, ибо въ этотъ день здѣсь подписанъ имъ трактатъ съ магистромъ Меченосцевъ и архиепископомъ рижскимъ.

Лучшимъ доказательствомъ, что еще до постройки Гедиминомъ великокняжескихъ замковъ городъ уже существовалъ, служить то, что еще въ 1306 г. для русскихъ пріѣзжихъ купцовъ здѣсь находился *гостинный дворъ*; затѣмъ въ 1315, т. е. тоже еще до переселенія сюда великаго князя, основанъ былъ второй гостинный дворъ, а въ 1326 г. и Евреи основали здѣсь для себя особый гостинный дворъ.

Понятно, что съ 1323 г. великокняжескій дворъ окружили князья и болре изъ русскихъ областей. Населеніе увеличивалось съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и число домовъ постоянно увеличивалось. Гедиминъ, заботясь о распространеніи торговли, пригласилъ многихъ Нѣмцевъ изъ Ганзейскихъ городовъ переселиться въ Вильно, обезпечивъ для нихъ свободу совѣсти и даровавъ тѣ же права и преимущества, какими они пользовались на родинѣ. Городъ уже при Гедиминѣ раздѣлился на три части, кои потомъ получили названіе *половицъ*. Вокругъ замка и капища Перкунаса жили собственно Литовцы. Нынѣшняя Замковая улица и прилегающія къ ней мѣстности составляли Литовскую половицу. Большая улица до Острыхъ воротъ и далѣе, а также Зарѣчная часть и впоследствии мѣстность, носящая названіе Поповцины (Поповщины), составляли Русскую половицу. Нѣмцы и Евреи поселились въ той части города, которая и до нашихъ дней сохранила названіе Нѣмецкой и Еврейскихъ улицъ.

Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что если еще не до Гедимина, то во всякомъ случаѣ въ его царствованіе въ Вильнѣ были уже храмы какъ восточнаго, такъ и западнаго обрядовъ. Думаютъ, что первымъ православнымъ храмомъ была церковь св. Николая (перенесенія мощей), и донинѣ существующая. Сказаніе это не подтверждается никакими актами; оно сложилось по преданію и догадкамъ, нелишненнымъ значенія уже потому, что, какъ извѣстно, славянскіе народы выше другихъ чтили и поклонялись именно св. Николаю. Св. Ильи и св. Николая въ понятіи народа при введеніи христіанства заступили мѣсто Перуна и Стрибога; но св. Николай иногда является и самъ въ соотвѣтствіи Перуну; тамъ же, гдѣ вѣровали въ Святовита, ему назначили преемникомъ св. Николая или св. Вита. Но, не слѣдуетъ забывать, что въ Вильнѣ была и другая весьма древняя церковь св. Николая (успенія), по преданію всегда считавшаяся старѣйшею (гдѣ нынѣ дома купца Югихеса и Голавскаго, на углу Пятницкаго переулка). Одновременно съ православною, прибывшими изъ Ганзейскихъ городовъ Нѣмцами-католиками основана была римско-католическая церковь и тоже во имя св. Николая, на томъ же мѣстѣ, гдѣ до послѣдняго времени существовалъ костель св. Николая, въ готическомъ стилѣ. Уже при Гедиминѣ монахи францисканы были въ Литвѣ и въ Вильнѣ, и по ихъ совѣту Гедиминъ писалъ къ папѣ, изъявляя согласіе принять католическое исповѣданіе. Пріѣзжали и послы отъ папы, но Гедиминъ отказался исполнить обѣщаніе.

Берега Виаейки.

М. В.

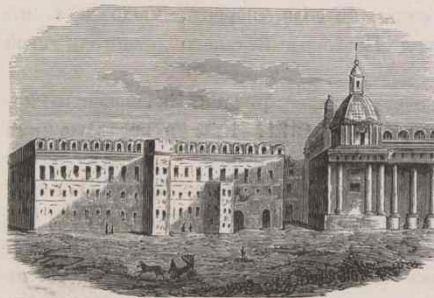
При Ольгердѣ городъ Вильно, по описаніямъ орденскихъ лѣтописцевъ, представляется не только населеннымъ и хорошо застроеннымъ городомъ, но и занимающимъ уже видное мѣсто въ торгово-промышленномъ отношеніи. Особою привилегіею виленскіе торговцы были освобождены отъ пошлинъ въ цѣломъ государствѣ. Вильно сдѣлалось центральнымъ складочнымъ пунктомъ товаровъ, привозимыхъ съ востока и юга: отсюда они не только были развозимы по всему краю, но отправлялись также въ Ригу и другіе Ганзейскіе города. Янтарь игралъ весьма важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ. Его во множествѣ свозили изъ Жмуди, съ береговъ Балтики, складывали въ виленскихъ гостинныхъ дворахъ и потомъ отсюда уже распространяли по разнымъ странамъ. Рыбная ловля была въ большомъ развитіи; жмудскія сельди славились повсюду. У Литовцевъ были зубры, туры, медвѣди, олени, бобры, лисицы; много было меда и воска; были наконецъ табуны дикихъ коней особой породы, до сихъ поръ сохранившейся на Жмуди, нѣсколько напоминающей вятскихъ лошадей; ленъ, пенька, конопля производились въ изобиліи. Всѣ эти предметы доставляли возможность вести обширный мѣньюгой торгъ на разнаго рода оружіе, земледѣльческія орудія, на соль, перецъ, мыло и т. п.; средоточіемъ же торговли было Вильно, гдѣ купцы Новгорода-Великаго основали свой собственный гостинный дворъ.

Сначала Неманъ, а около 1380 и Вилія были уже судоходными рѣками. Виленское и иностранное купечества Виліею сплавливали свои товары въ 1444, 1494, 1535 и послѣдующихъ годахъ. Въ 1589 Вилія была вновь очищена издержками виленскихъ купцовъ. Потомъ очистка была возобновлена въ 1606 на счетъ правительства. Гваньини въ своей хроникѣ (1611) свидѣтельствуетъ, что Вилія рѣка судоходная и что по ней отправляли товары въ Данцигъ. Вилейка въ XIV ст. имѣла совершенно другое направленіе; она текла мимо Замковой и Трикрестовой горъ, окружала нижній замокъ и за нынѣшнимъ кафедральнымъ соборомъ впадала въ Вилію. Съ противоположной стороны, т. е. съ запада, протекалъ ручей *Вингеръ* и впадалъ въ Вилію почти рядомъ съ Вилейкою.

Изъ сказаній современныхъ лѣтописцевъ можно хотя приблизительно нарисовать картину литовской столицы, какою она была во второй половинѣ XIV столѣтія. На горѣ красовался величественный, сильно укрѣпленный замокъ, съ тремя башнями, окруженный валомъ. У подношья этой горы тянулся нижній замокъ, называемый *Кривымъ Градомъ*. Далѣе между Виліею и Вилейкою, вблизи Замковой горы, находились обширныя палаты литовскаго вельможи Монивида. Къ храму примыкали жилища первосвященника, жрецовъ и вайделотовъ. Жилище первосвященника находилось возлѣ круглой башни (нынѣ колокольня каѳ. собора) съ окошкомъ, чрезъ которое онъ вѣщалъ народу волю боговъ. Жилище его составляли обширныя палаты, съ четырьмя башнями. Зданіе это извѣстно было въ нынѣшнемъ столѣтіи подъ названіемъ дома викаріевъ. Оно снесено послѣ 1831 г. Великокняжескій дворецъ, или нижній замокъ состоялъ изъ нѣсколькихъ зданій, съ особыми кладовыми, амбарами, конюшнями. Зданія эти были большею частью деревянныя, но ихъ окружала высокая каменная стѣна съ башнями. Кромѣ того, весь Кривой Градъ, въ составъ котораго входила и долина Свинторога съ храмомъ и разными постройками, окруженъ былъ высокимъ частоколомъ и кромѣ того его омывали воды Вилейки и особаго канала, устроеннаго еще Гедиминомъ, соединявшаго Вилію съ Вилейкою. Изъ Криваго Града, проведены были разныя дороги. Такъ изъ западныхъ воротъ проходила дорога чрезъ два моста на Вилейкѣ и Вингрѣ, потомъ чрезъ паромъ на Виліи, въ древнѣйшую столицу Литвы, въ Керновъ, а также въ Вилкомирскій замокъ. Эта же дорога, налѣво отъ парома, вела въ священную рощу (нынѣ Лукишки, независимо отъ *Гая*), гдѣ стояли вѣковые дубы и другія деревья, разнымъ богамъ посвященныя. Изъ замковыхъ воротъ вела дорога одна въ загородный великокняжескій замокъ Мѣдники, а также въ Лиду и Гродно, другая же, направо, въ Троки.

Кромѣ главнаго храма Перкунаса, были въ то время языческія капища на Антоколи, гдѣ нынѣ костель св. Петра и гдѣ потомъ, по преданію, изъ капища устроены были палаты Сапѣговъ, нынѣ военный госпиталь. Были еще капища внутри города, гдѣ нынѣ костель св. Іоанна и церковь св. Параскевіи (Пятницкая).

Церковь св. Николая могла, по всей вѣроятности, существовать уже при Гедиминѣ, точно также какъ и костель св. Николая Нѣмцевъ-католиковъ. Въ царствованіе Ольгерда, первая супруга его, Марія Ярославовна, княжна Витебская, основала церковь св. Параскевіи, или Пятницкую. Вторая же его супруга, Іуліанія Александровна, княжна Тверская, основала церкви Пречистыя Богородицы и св. Троицы. Воскресенская лѣтопись (2,334) основателемъ церкви Богородицы считаетъ и вел. кн. Ольгерда. Вѣроятно, въ царствованіе Ольгерда, или нѣсколько позже основанъ былъ православный монастырь въ Вильнѣ. По крайней мѣрѣ, при описаніи нападенія Рыцарей на Вильно въ 1390 г. лѣтописи упоминаютъ про виленскихъ православныхъ чернцовъ.

Нижній замокъ великихъ князей литовскихъ.

Католическіе монахи францисканы и доминиканцы, хотя и были въ Вильнѣ еще при Гедиминѣ, но особыхъ монастырей неимѣли. При Ольгердѣ же бояринъ Гастольдъ, исповѣдывавшій римско-католическую вѣру, выписалъ въ Вильно четырнадцать монаховъ францисканскаго ордена и устроилъ для нихъ монастырь съ костеломъ въ своихъ палатахъ, находившихся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ домъ генералъ-губернаторовъ. Въ 1368, во время похода Ольгерда съ Гастольдомъ на Москву, литовскіе язычники напали на францискановъ и умертвили ихъ. Францисканскія лѣтописи увѣряютъ, что семь монаховъ язычники привязали къ крестамъ и бросили съ горы въ рѣку, въ память чего на этой горѣ всегда ставили три креста и самая гора до сихъ поръ сохранила названіе Трехкрестовой. Фактъ этотъ подлежитъ сомнѣнію. Трехкрестовая гора находится вблизи Замковой, гдѣ, хотя и въ отсутствіи вел. князя, былъ же гарнизонъ, и едва ли возможно допустить, чтобы на означенной горѣ язычники могли совершить такого рода казнь. Что же касается крестовъ, то, по мнѣнію профессора Даниловича, они поставлены въ память дарованія городу магдебургскихъ законовъ, чему были примѣры и въ другихъ городахъ, гдѣ въ ознаменованіе этого событія также воздвигали кресты. Гастольдъ вторично выписалъ монаховъ францискановъ и поселилъ ихъ на *Лескагъ*, т. е. тамъ, гдѣ уже существовалъ первый католическій костель св. Николая. Потомъ воздвигнутъ былъ для нихъ другой костель, вблизи перваго, и построенъ монастырь. Францисканскія лѣтописи говорятъ, что монахи подверглись и вторичному избиенію, но дѣйствительность этого событія подлежитъ большому сомнѣнію.

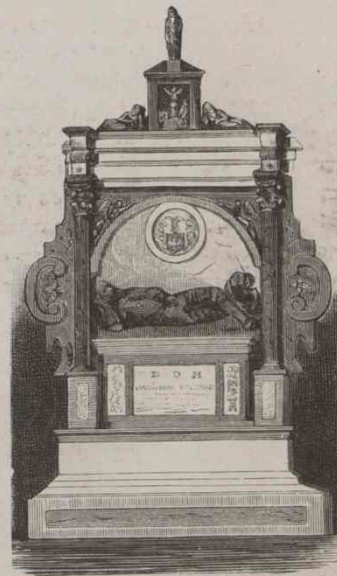
Въ царствованіе Ольгерда произошло событіе, котораго историческая критика не можетъ объяснить съ положительною ясностью. Мы знаемъ Ольгерда какъ покровителя христіанъ. Лѣтописи намъ говорятъ, что онъ самъ былъ основателемъ православной церкви въ Вильнѣ; что имъ же воздвигнуты были двѣ церкви въ Витебскѣ: Благовѣщенская и св. Духовская, что супруги его безпрепятственно воздвигали православные храмы, а католикъ Гастольдъ основалъ монастырь и костель францискановъ.

Между тѣмъ лѣтописи намъ передаютъ, что въ 1342 г., по настоянію жрецовъ, Ольгердъ велѣлъ казнить двухъ литвиновъ, бывшихъ у него въ услуженіи, Куклея и Миклея, а въ 1347 г. третьяго, по имени Нежило, за принятіе греческой вѣры. Восточная церковь причла ихъ къ лику святыхъ (Четь-миней 14 апрѣля), подъ именами *Антонія*, *Іоанна* и *Евстафія*, виленскихъ мучениковъ. Обстоятельства, побудившія Ольгерда сдѣлать уступку языческимъ

жрецамъ, уже утратившимъ свою силу въ то время, когда престолъ Ольгерда былъ окруженъ столькими христіанами, остаются неразъясненными. Затѣмъ рождаются новыя, также не вполне разъясненные вопросы: гдѣ были погребены св. мученики? Лѣтопись говоритъ: «Тогоже году (1347) убиенъ бысть отъ Ольгерда Круглецъ (Нежило?), нареченный во св. крещеніи Евстафій, за вѣру христіанскую, и положенъ бытъ у св. Николая въ Вильнѣ со сродники своими во гробѣ, съ великими мученики Антономъ и Иоанномъ, иже пострадаша за православную вѣру». Вотъ единственное, возможно достоверное сказаніе о мѣстѣ погребенія св. мучениковъ. Но здѣсь рождается новый вопросъ: въ которой Никольской церкви, когда, какъ мы уже знаемъ, ихъ было двѣ: *Успенія* и *Перенесенія мощей* и обѣ считаются древними. Мы думаемъ, что въ церкви св. Николая успенія (т. е. гдѣ нынѣ дома Головскаго и Югифеса, на углу Пятницкаго переулка, бывшаго Лоточка). Такъ думали глубокие изслѣдователи виленской старины: профессоръ Михайлъ Гомолицкій, Ѳ. Е. Нарбутъ и А. Марциновскій. Мысль, что мученики похоронены въ церкви св. Николая перенесенія мощей, родилась у протоіерея Пшолки едва въ 1864 году, когда возникъ вопросъ о постройкѣ часовни св. архистратига Михаила въ соединеніи съ возобновеніемъ означенной Никольской церкви. Между тѣмъ А. Н. Муравьевъ, извѣстный авторъ путешествія «По святымъ мѣстамъ русскимъ», въ изданной имъ «Русской Вильнѣ» (стр. 38) говоритъ правильно, что церковь эта основана второю супругою Ольгерда, Іуліаніею. Ольгердъ женился на Іуліаніи въ 1349; слѣдовательно, церковь построена позже. Какимъ же образомъ могли быть въ ней погребены мученики въ 1342 и 1347 г.? Лѣтопись же указываетъ ясно, что св. мученики были *положены у св. Николая*, т. е. что церковь въ то время уже существовала и потому не иная, какъ та, которую мы указали выше, т. е. *св. Николая успенія*.

Съ 1347 по 1826 годъ никакихъ достоверныхъ свѣдѣній о мощахъ св. мучениковъ не имѣется. Мощи эти были найдены въ 1826 въ св. Духовской монастырской церкви тогдашнимъ архимандритомъ и выставлены имъ торжественно въ самомъ храмѣ. Тысячи народа всѣхъ исповѣданій слѣзили въ церковь и поклонились мощамъ. Монахи цѣлый день служили молебны. Не знаемъ уже почему тогдашнему генералъ-губернатору А. М. Римскому-Корсакову это не понравилось. По его приказанію виленскій полиціймистеръ прибылъ въ церковь и потребовалъ, чтобы мощи св. угодниковъ были положены въ склепъ, что конечно и было исполнено. Архимандритъ жаловался на такое распоряженіе мѣстному архіепископу Анатолію, вѣдѣнію котораго въ то время подлежалъ виленскій св. Духовскій монастырь. Послѣдній затребовалъ отъ архимандрита ближайшихъ свѣдѣній: какимъ образомъ онъ отличаетъ мощи угодниковъ. Архимандритъ далъ вполне удовлетворительный отвѣтъ, указывая на увѣчья и раны, замѣтныя въ мощахъ и согласныя съ описаніями лѣтописей. Тогда архіепископъ донесъ обо всемъ Святейшему Синоду, по распоряженію котораго, архіепископъ Анатолій вмѣстѣ съ епископомъ черниговскимъ и нѣжинскимъ, Лаврентіемъ, присланы были въ Вильно для подробнаго осмотра св. мощей. Вслѣдствіе сего оба іерарха представили въ Синодъ обстоятельное донесеніе, которымъ было обнаружено, что поврежденіе на тѣлахъ мучениковъ соответствовали роду претерпѣнныхъ имъ мукъ.

Съ заключеніемъ іерарховъ согласился св. Синодъ. Полагаютъ, что мощи св. виленскихъ мучениковъ изъ Никольской церкви были перенесены въ церковь Св. Троицы, а въ началѣ

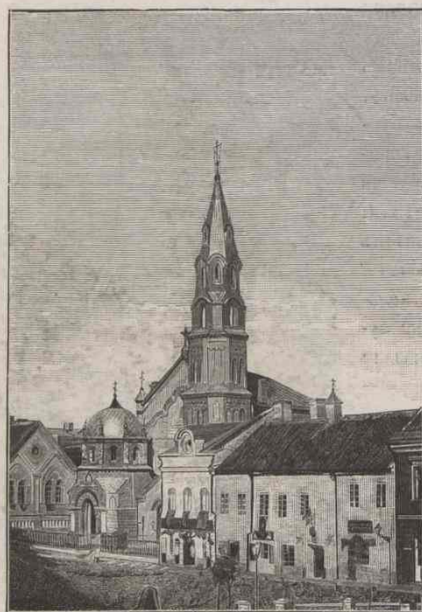

Гробница ки. Радивила въ побернардинскомъ костелѣ.

второй половины XVII вѣка, когда русскія войска заняли Вильно, перенесены изъ Троицкой, уже въ то время униатской церкви, въ единственную въ то время православную св. Духа.

Но возвратимся еще къ Ольгерду. Благодарствію и процвѣтанію города препятствовали нападенія Тевтонцевъ. Въ 1365 и 1377 они окружали Вильно и хотя не взяли замка, но сожгли и опустошили значительную часть города.

Въ этомъ же 1377 г. умеръ храбрый Ольгердъ, стяжавъ славу героя кровію множества людей и пенломъ городовъ. Лѣтописцы увѣряютъ, что онъ передъ смертію принялъ православную вѣру. Уже Полевой сомнѣвался въ этомъ. Мы думаемъ, что онъ родился христіаниномъ и только по политическимъ обстоятельствамъ разыгрывалъ роль язычника. Если бы онъ дѣйствительно былъ язычникомъ и передъ смертію отрекся отъ язычества, тогда его сыну и наслѣднику, Ягайлѣ, не было бы никакой надобности разыгрывать роль язычника, хотя все

Церковь св. Николая.

было извѣстно, что все сыновья Ольгерда родились христіанами. Не только Ольгердъ, но даже и Гедимицъ въ русскихъ областяхъ были въ глазахъ народа христіанами и вѣроятно исполняли христіанскіе обряды, а въ собственной Литвѣ прикидывались язычниками, конечно при торжественныхъ служеніяхъ и большомъ стеченіи народа. Такъ, даже и послѣ смерти самыя похороны были двойныя: въ Пречистенской церкви погребено его тѣло, а въ долині Свинторога горѣлъ костеръ, на немъ горѣло восемнадцать любимыхъ коней Ольгерда, его доспѣхи, одѣяніе и любимые предметы. Народъ, вѣроятно, думалъ, что и самый прахъ великаго князя сожигается. Такъ даже думали свидѣтели этого обряда изъ Рыцарей, находившіеся тогда въ Вильнѣ.

Со времени принятія Ягайломъ крещенія по католическому обряду вмѣстѣ со многими литовскими боярами и послѣдовавшаго затѣмъ повсемѣтнаго низверженія идоловъ въ цѣломъ государствѣ, съ основаніемъ многихъ католическихъ храмовъ во всей странѣ, Вильно приняло характеръ христіанскаго города, хотя языческія преданія и самыя обряды долго еще сохранялись какъ въ столицѣ, такъ въ особенности въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ.

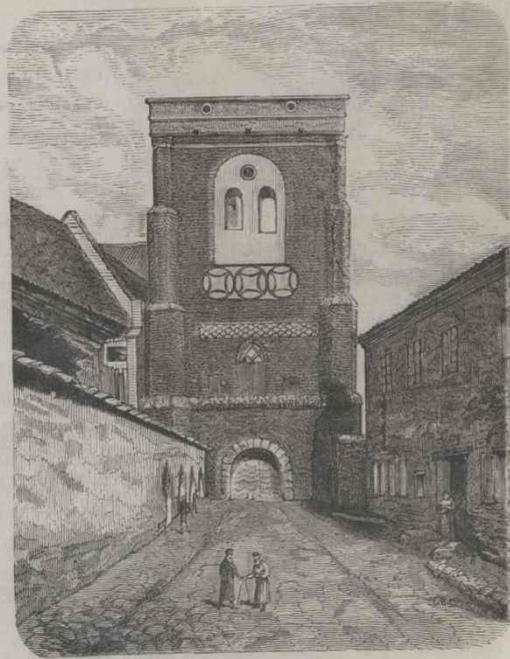
Ягайло даровалъ городу магдебургское право (1387). Съ этого времени древній гербъ города, изображавшій *алциса*, баснословнаго богатыря, съ женою на плечахъ, съ огромнымъ деревомъ, вырваннымъ съ корнями вмѣсто трости, переходящаго въ бродъ море или рѣку, превратили въ св. Христофора, съ сохраненіемъ прежняго изображенія.

Междоусобная война съ Кейстутомъ, происки любимца Ягайла Войдылы, вмѣшательства Рыцарей и ихъ нападенія, потомъ борьба съ Витовтомъ, опустошенія, причиненныя вел. магистромъ Конрадомъ Валенродомъ, наконецъ страшный пожаръ 1399 г., истребившій значительную часть города—довели Вильно до бѣдственнаго положенія. Зато, когда Витовтъ достигъ своей цѣли, когда Вильно сдѣлалось столицею всей Литвы и Руси, мудрѣя его дѣянія, его заботливость о благосостояніи всехъ его подданныхъ, скоро залечили прежнія раны, и Вильно въ его царствованіе было значительнымъ, многолюднымъ и богатымъ городомъ. Съ учрежденіемъ Западной митрополіи, Пречистенская церковь сдѣлана митрополитальнымъ соборомъ. Въ Вильно стекались князья и бояре изъ всего государства, строили здѣсь палаты и, конечно, много содѣй-

ствоваши увеличенію благосостоянія столицы. Въ Вильнѣ великій Витовтъ праздновалъ свои побѣды, а каждая побѣда обогащала его казну. Здѣсь онъ возводилъ въ ханское достоинство Бетсабуу и Геремфердена, здѣсь и приниженные, и разбитые подъ Грюнвальденомъ Рыцари ухаживали за вел. княземъ чрезъ своихъ уполномоченныхъ, почти невѣзжавшихъ изъ столицы. Такіе же уполномоченные окружали дворъ отъ вел. кн. московскаго, отъ императора Сигизмунда, изъ Чехи, Дани и другихъ странъ. Витовтъ считался тогда однимъ изъ могущественнѣйшихъ государей.

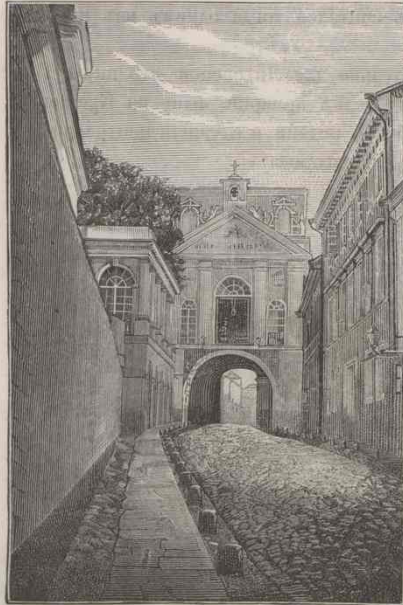
Царствованіе Казимира Ягелона было весьма благотѣльно для Литовской столицы. Торговля при немъ значительно усилилась. Онъ учредилъ (1441) двѣ ярмарки, одну на Крещенье, а другую въ день Успенія. Обѣ продолжались по двѣ и болѣе недѣли и служили центральнымъ пунктомъ мѣновой торговли, въ особенности для Пскова и Новгорода:

Царствованіе Александра, сына Казимира, памятно, между прочимъ, постройкою каменной стѣны вокругъ города. Укрѣпленіе города окружною стѣною сдѣлано было еще при Гедиминѣ. Стѣна эта окружала «Кривой градъ», потомъ берегомъ Вилейки доходила до Бакшты, поворачивала направо, проходила по Нѣмецкой улицѣ и далѣе и оканчивалась у истоковъ Вингры. Набѣги Рыцарей, пожары и время совершенно почти разрушили эту стѣну. Между тѣмъ городъ разрастался и далеко переступилъ за первоначальную черту. Поэтому вел. кн. Александръ, 6 сентября 1504 г., утвердилъ положеніе о постройкѣ новой каменной стѣны вокругъ всего города, начатой еще прежде, именно 23 апрѣля 1498 г. Постройка производилась издержками самихъ жителей города и окончена въ 1506 г. Упомянутая грамота Александра указываетъ намъ предѣлы стѣны и города. Кромѣ Замоквыхъ воротъ, ведущихъ въ «Кривой Градъ» и находящихся на углу Замоквой улицы (соединявшихся съ зданіемъ нынѣшнихъ присутственныхъ мѣстъ), о коихъ въ грамотѣ не упоминается, какъ о существующихъ, и въ сооруженіи коихъ жители не принимали участія, — каменная стѣна была раздѣлена пятью городскими каменными воротами, а именно: 1) *Вилейскими*, на нынѣшней Вилейской (обыкновенно называемой Виленскою) улицѣ, возлѣ дома Человѣколюбиваго общества (прежде палатъ Радзивиловъ); 2) *Трокскими*, изъ которыхъ, кажется, потомъ устроена была колокольня б. францисканскаго костела; 3) *Бревскими*, потомъ *Мядникскими*, наконецъ *Острыми*, гдѣ и нынѣ Остробрамскія ворота; 4) *Спасскими*, на берегу Вилейки за митрополитальнымъ соборомъ и придѣломъ Спаса; 5) *Рудникскими*, на площадкѣ, гдѣ Завальная улица прорѣзываетъ Рудникскую и Стефановскую. Кромѣ этихъ главныхъ или большихъ воротъ существовали еще башни съ выходами, какъ напр. *Мокрая*, *Татарская*, *Чертова* и др. (Въ послѣдней содержался прославившійся разбойникъ *Чертовъ-Батко*, отъ чего и самая башня прозвана *Чертовой*). Высота стѣны составляла около 22 аршинъ. Окружность города, которая была обведена стѣною, занимаетъ нынѣ не менѣе пяти верстъ. Остатки существовавшей каменной стѣны сохранились за монастыремъ Св. Духа, за

Бывшая францисканская колокольня.

Острыми воротами, на горѣ Бакштѣ и возлѣ дома и сада Завадскихъ въ Замковомъ переулкѣ. Остробрамскія ворота нынѣ существующія, несомнѣнно, если не вполне, то частью состоятъ изъ древнихъ Острыхъ воротъ. Прекрасная, готическая колокольня францисканскаго костела, вѣроятно, передѣлана изъ Трокскихъ воротъ. Къ сожалѣнію, она недавно разрушена. Главныя, Замковыя ворота, существовали въ прежнемъ видѣ до 1837 г.

Острыя Брама.

Городъ, заключавшійся въ районѣ городской стѣны, раздѣлялся на *шесть половицъ*. Изъ нихъ *Литовская* занимала «Кривой градъ» съ великокняжескимъ замкомъ, Замковую улицу, нынѣшнія Ивановскую, Благовѣщенскую, Дворцовую съ площадью, Татарскую, Виленскую, Замковый переулокъ, а также всю сѣверную часть города, за предѣлами городской стѣны и «Криваго града».

Въ этой половицѣ, уже во время вел. кн. Александра, существовало восемь большихъ каменныхъ костеловъ: св. Мартина, на Замковой горѣ, и св. Юанна, основанныхъ Ягайломъ; кафедральный соборъ св. Станислава, о которомъ мы поговоримъ подробнѣе; готическій костель св. Анны, основанный супругою Витовта, Анною Святославною; костель Берлардиновъ, основанный Казиміромъ Ягеллономъ; Св. Духа, бывший Доминикановъ, основанный тоже въ царствование Казимира, но нынѣ существующій воздвигнутъ королемъ Александромъ, францискановъ и св. Николая.

Русская половица занимала, начиная отъ Михайловскаго переулка, лѣвую часть города, именно: Михайловскую площадь, Пречистенскую улицу, Спасскій переулокъ (б. Лоточекъ) и Большую улицу, до Острыхъ

Развалины капища на Антоколѣ, гдѣ военный госпиталь.

воротъ. Это былъ виленскій кремль, въ которомъ во время Александра находилось 18 церквей, почти одна при другой. Древнѣйшая и едва ли не первая православная церковь *св. Николая (Успенія)* находилась на углу Лоточка, или Пятницкаго переулка, гдѣ въ послѣднее время стояли два смежные дома Югихеса и Головскаго; церковь эта была приходскою и существовала еще въ 1566 г., какъ это видно изъ письменнаго удостовѣренія, выданнаго 16 марта священникомъ Прокопомъ Левковичемъ о сбереженіи утвари и разныхъ вещей, принадлежащихъ церкви. Въ 1609 г. она была передана униатамъ, но вслѣдъ затѣмъ, 1610 г. истреблена пожаромъ. Гдѣ теперь гостиница Нишковскаго, на другомъ углу Лоточка, въ улицѣ, называвшейся *Смилинской*, стояла церковь *св. Ильи*. Почти наупротивъ этихъ церквей находилась древняя *Пятницкая* церковь. На углу Михайловской улицы, наупротивъ костела св. Михаила, гдѣ теперь конвиктъ гимназій или общія квартиры учениковъ, существовала древняя церковь *Покрова Богородицы*, первоначально

два смежные дома Югихеса и Головскаго; церковь эта была приходскою и существовала еще въ 1566 г., какъ это видно изъ письменнаго удостовѣренія, выданнаго 16 марта священникомъ Прокопомъ Левковичемъ о сбереженіи утвари и разныхъ вещей, принадлежащихъ церкви. Въ 1609 г. она была передана униатамъ, но вслѣдъ затѣмъ, 1610 г. истреблена пожаромъ. Гдѣ теперь гостиница Нишковскаго, на другомъ углу Лоточка, въ улицѣ, называвшейся *Смилинской*, стояла церковь *св. Ильи*. Почти наупротивъ этихъ церквей находилась древняя *Пятницкая* церковь. На углу Михайловской улицы, наупротивъ костела св. Михаила, гдѣ теперь конвиктъ гимназій или общія квартиры учениковъ, существовала древняя церковь *Покрова Богородицы*, первоначально

построенная изъ башни, входившей въ составъ городской стѣны, окружавшей «Кривой градъ». Эта церковь была придворною вел. кн. Елены Иоанновны, супруги Александра. Пожаръ 1610 г. совершенно истребилъ ее. Вблизи этой церкви, на Михайловской площади, гдѣ теперь домъ Квятковскихъ, бывшій Пузыны, находилась православная церковь *св. Екатерины*. На Большой улицѣ, почти одна при другой, двѣ церкви: *св. Иоанна* и *св. Михаила*, гдѣ теперь дома Яловцера и гр. Тизенгауза, бывшій Гута. На востокъ отъ Пречистенскаго собора, гдѣ нынѣ домъ еврея Завеля, была церковь *Рождественская*, которой древнія стѣны замѣтны и нынѣ. Въ Андреевской улицѣ, на углу

Образъ Остробрамской Божіей Матери.

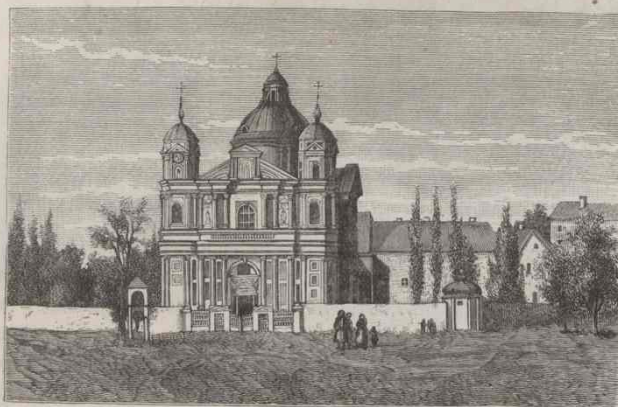
Бакшты, вблизи нынѣшней церкви *св. Андрея*, была церковь *св. Безрешенниковъ Космы и Даміана*. Насупротивъ театральнаго сквера, на углу Большой и Стеклоной улицъ, гдѣ нынѣ домъ Мокржецкихъ, была *Воскресенская* церковь, въ которой богослуженіе совершалось до 1671 г. За Острыми воротами, въ переулкѣ, направо, гдѣ домъ Зайцева, стояла церковь *св. Георгія*. На Зарѣчьи, въ Полоцкой улицѣ, церковь *св. Петра и Павла* существовала до 1671 года. На этомъ мѣстѣ нынѣ стоитъ столбъ съ распятіемъ Спасителя. Вблизи Св. Духова монастыря существовала еще церковь *Благовѣщенская*. Изъ числа нынѣ существующихъ храмовъ принадлежатъ къ древнимъ, существовавшимъ въ царствованіе Александра: соборъ *Пречистыя Богородицы*, бывшій митрополитальный; *Св. Духовскій монастырь*; *Св. Троицкій мона-*

ствѣ и Св. Никола перенесенія мощей. Гдѣ именно были другіе православные храмы, упоминаемые въ лѣтописяхъ, опредѣлить трудно. Большая часть этихъ церквей были истреблены пожарами въ 1557 и 1610 годахъ, другія же поступили въ вѣдѣніе униатовъ, какъ это увидимъ ниже.

Университетскій костелъ св. Яна.

200,000, блескъ и великолѣпіе двора, богатая, роскошная жизнь вельможъ, тѣснившихся ко двору, торговая и промышленная дѣятельность удивляли пріѣзжихъ. Герберштейнъ говоритъ о Вильнѣ того времени, какъ о значительномъ и многолюдномъ городѣ. Иоаннъ, князь финляндскій, сынъ Густава Вазы,

Костелъ св. Петра на Антоколѣ.

когда вѣзжалъ въ Вильно (съ Погулянки), былъ пораженъ великолѣпіемъ вида, какой ему представился, и говорилъ, что такихъ городовъ немного онъ видѣлъ въ своей жизни. Его удивляла также разноплеменность населенія столицы: Литовцевъ, Русскихъ, Поляковъ, Армянъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Турокъ, Татаръ, Евреевъ, являвшихся въ своихъ національныхъ костюмахъ, и конечно еще болѣе удивляло то братское отношеніе этихъ народовъ, несмотря на различіе исповѣданій, которое было такъ отличительно въ царствованіе вѣротерпимаго Сигизмунда Августа. Не было религіозной борьбы, не было фанатическихъ преслѣдованій, и люди жили мирно, дружно, свободно исповѣдуя свои вѣры и обряды.

Нѣтъ сомнѣнія, что чеканка монетъ начата еще при Витовтѣ. Былъ ли однако постоянный монетный дворъ, или же монеты, съ изображеніями древнихъ гербовъ рода Гедимина (наподобіе извѣстныхъ генуэзскихъ воротъ), *stabas*, а также всадника, часто находимыя въ землѣ, были чеканены за границею, положительно сказать нельзя; но въ царствованіе Александра мы видимъ уже правильно организованный монетный дворъ, состоявшій подъ управленіемъ Ульриха Гозиуса.

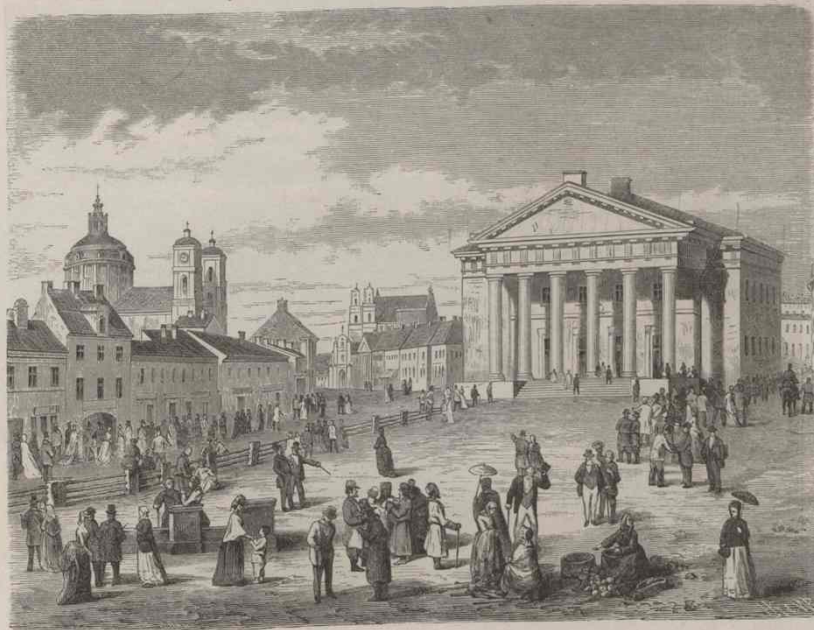
Вообще царствованіе Александра относится къ лучшимъ годамъ жизни литовской столицы. Супруга его, Елена Иоанновна (дочь царя Иоанна III Васильевича и царицы Софіи Ѳоминшны), любимая народомъ, поддерживавшая сношенія съ московскимъ дворомъ, умиротворявшая невзгоды, покровительствовавшая Русскимъ, какъ знатнымъ вельможамъ, пріѣзжавшихъ къ ея двору, такъ и купцамъ изъ Новгорода, Твери и другихъ городовъ, много содѣйствовала процвѣтанію столицы.

Но лучшими, счастливѣйшими годами въ жизни Литовской столицы, безспорно, считаются царствованія Сигизмунда I и сына его Сигизмунда Августа, послѣдняго изъ рода Ягеллоновъ. Населеніе достигло

когда вѣзжалъ въ Вильно (съ Погулянки), былъ пораженъ великолѣпіемъ вида, какой ему представился, и говорилъ, что такихъ городовъ немного онъ видѣлъ въ своей жизни. Его удивляла также разноплеменность населенія столицы: Литовцевъ, Русскихъ, Поляковъ, Армянъ, Грековъ, Нѣмцевъ, Турокъ, Татаръ, Евреевъ, являвшихся въ своихъ національныхъ костюмахъ, и конечно еще болѣе удивляло то братское отношеніе этихъ народовъ, несмотря на различіе

Царствованіе Стефана Баторія прошло для Вильно почти безслѣдно. Король рѣдко бывалъ здѣсь. Выдающимся событіемъ была казнь одного изъ знаменитѣйшихъ литовскихъ вельможъ Григорія Остика, послѣдовавшая въ Вильнѣ 18 іюня 1580 года, за тайныя сношенія съ Иваномъ IV.

Упадокъ города начинается собственно со времени Сигизмунда III, со времени господства іезуитовъ. Борьба съ иновѣрцами, борьба православныхъ съ униатами, безчинства разнаго рода въ средѣ молодаго воспитывающагося поколѣнія, нападенія на кальвинскіе храмы и ихъ поруганія, выбрасываніе покойниковъ изъ гробовъ, публично, во время похороннаго шествія, сожиганіе на лобномъ мѣстѣ кальвинской библіи (брестской) и другихъ иновѣрческихъ книгъ, такое же сожиганіе книгъ Скарги православными, преслѣдованія и изгнанія братчиковъ, напа-

Соборъ св. Николая (до перестройки) и зданіе б. Ратуши, нынѣ театръ.

деніе на монастырь Св. Троицы, захваты церквей, покушеніе на убійство митрополита Ипатія Поцѣя, взаимная религіозная ненависть, раздраженіе, общее уныніе, прибавимъ къ этому пожары, голодъ, страшную нищету—вотъ какія проявленія общественной жизни, доставшіяся въ удѣлъ литовской столицѣ въ царствованіе фанатическаго Сигизмунда III. Взаимная любовь и братство, господствовавшія во время вѣротерпимаго Сигизмунда Августа, смѣнились злобою и враждою; тогдашнее богатство, процвѣтаніе торговли и промышленности замѣнили нищета и совершенный упадокъ всякой полезной дѣятельности.

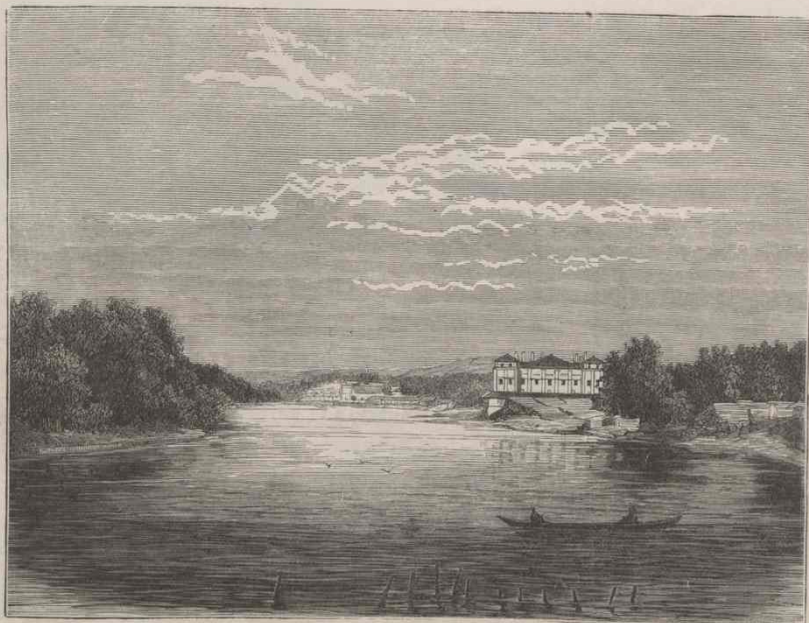
Начавшееся при Сигизмундѣ III паденіе города продолжается и далѣе, и Вильно никогда уже не достигало прежняго величія и значенія.

Въ 1609 г., 11 августа, по повелѣнію Сигизмунда III, королевскіе комиссары Сѣшковскій и Краевскій передали въ распоряженіе митрополита Поцѣя 12 православныхъ церквей и между ними соборную Пречистыя Богородицы и обѣ церкви св. Николая. Св. Троицкая церковь и монастырь переданы были униатамъ еще раньше.

Пожаръ 1610 г. разрушилъ почти весь городъ. Уцѣлѣли только предмѣстья. Сгорѣло 10-ть разныхъ храмовъ, иезуитская академія, отчасти Нижній замокъ и, какъ пишутъ современники, 4,700 разныхъ зданій. Прежняя, старая столица Литвы исчезла почти совсѣмъ. Наступилъ новый историческій періодъ, а съ нимъ и наружность города стала принимать новый видъ, кое-гдѣ только сохранивъ остатки древней столицы.

Владиславъ IV, въ первомъ году вступленія своего на престолъ (1632), уважилъ жалобы православныхъ и обезпечилъ за ними Св. Духовскій монастырь, а также приказалъ возвратити имъ отнятыя униатами церкви: Воскресенскую, св. Иоанна и св. Георгія.

Со временъ Сигизмунда III, при сильномъ вліяніи иезуитовъ и необыкновенной ихъ дѣятельности, большинство знатнѣйшихъ вельможъ и дворянъ обратилось въ католичество. Какъ

Палаты Слушки, гдѣ жилъ Петръ В.

православіе, такъ и протестантскія ученія лишились своего преобладающаго значенія. Съ этого времени число римско-католическихъ костеловъ и монастырей постоянно увеличивается. Иезуиты основали второй коллегіумъ съ костеломъ во имя св. Игнатія (1622, нынѣ казармы); кромѣ того у нихъ былъ такъ называемый домъ профессоровъ при великолѣпномъ костелѣ св. Казимира, основанномъ въ 1604 г., а съ 1703 г. для нихъ же основанъ былъ костель св. Рафаила и при немъ монастырь. Сверхъ того основано было много костеловъ въ XVII и XVIII вѣкѣ, такъ что всѣхъ католическихъ храмовъ въ 1766 считалось въ Вильнѣ 32 и 23 монастыря. Изъ вновь воздвигнутыхъ храмовъ, по красотѣ и великолѣпію зодчества, отличался костель св. Казимира, воздвигнутый въ лучшей части города, вблизи зданія Ратуши (нынѣ театр). Костель этотъ передѣланъ и обращенъ въ кафедральный православный соборъ и освященъ архіепископомъ литовскимъ Іосифомъ (потомъ митрополитомъ) 8 сентября 1840 г. Храмъ сей въ нынѣшнемъ видѣ великолѣпно отстроенъ въ 1865 г.

Религіозная борьба, о которой мы упомянули выше, велась съ одной стороны между православными и униатами, а съ другой—между католиками и реформатами. Конечно, явно или

тайно, душою этой борьбы были иезуиты. Характеристическою чертою этихъ внутреннихъ смуть XVII столѣтія, имѣвшихъ такое гибельное вліяніе на благосостояніе города и всего края, могутъ послужить два слѣдующіе примѣра.

Св. Троицкій монастырь, съ многочисленными братствами, считался оплотомъ православія. Передача его уніатамъ по повелѣнію Сигизмунда III вооружила православныхъ жителей. Составился заговоръ, во главѣ котораго были радцы магистрата Исаакъ Кононовичъ, Иванъ Тупека и др. Заправлялъ дѣломъ архимандритъ Самуиль Сенчило; другіе священники вмѣстѣ съ нимъ жаловались на неправильное лишеніе ихъ монастыря и другихъ церквей. Многочисленная толпа двукратно окружала монастырь, намѣреваясь силою занять его, но до кровопролитія не дошло. Какъ велико было однако озлобленіе жителей, видно изъ слѣдующаго случая. Однажды (1 августа 1609), когда митрополитъ Іпатій Поцѣй возвращался домой отъ католическаго епископа, окруженный свитою, среди бѣлаго дня, возлѣ ратуши на него напалъ неизвѣстный человекъ и нанесъ нѣсколько ударовъ въ шею, и отъ лѣвой руки, которою Поцѣй хотѣлъ защи-

Предмѣстье Антоколь.

щаться, совершенно отсѣкъ два пальца и повредилъ другіе. Преступникъ былъ схваченъ свитою. По однимъ источникамъ, это былъ самъ радца Иванъ Тупека, по другимъ-же какой-то гайдукъ пріѣзжаго вельможи. Преступника казнили, а отрубленные пальцы положили на алтарь въ церкви св. Троицы.

Другой случай произошелъ уже въ царствованіе Владислава IV, именно 29 сентября 1639 г. У реформатскаго министра Сурновскаго были крестины. Онъ жилъ насупротивъ монастырскаго костела св. Михаила, вблизи своего сбора (гдѣ прежде была Покровская церковь, нынѣ конвиктъ губ. гимназіи). Нѣкоторые изъ собравшихся къ министру гостей подкутили. Двое же изъ нихъ, Пекарскій и Раковскій (находившіеся въ услуженіи у перваго) вздумали стрѣлять въ галокъ, сидѣвшихъ на крышѣ кальвинскаго сбора. Случайно, одна пуля попала въ икону Богородицы, нарисованую на фронтонѣ костела св. Михаила; другая пробилла стекла и упала въ галлерейю съ органомъ. Монахи, жившія при этомъ костелѣ, ударили въ набатъ. Собрались толпы народа, явились иезуитскіе студенты, начался штурмъ евангелическаго сбора, многихъ изувѣчили и ранили, одинъ шляхтичъ былъ убитъ, нѣкоторые дома и жилища кальвинистовъ разграблены. Виленскій воевода, князь Христофоръ Радзивилъ выслалъ отрядъ войска, который разогналъ толпу, хотя конечно и со стороны войска были безчинства. Дѣло объ этомъ разсматривалось даже на сеймѣ. Кальвинскій сборъ приказано закрыть и потомъ дозволено построить новый за чертою города (за Трокскими воротами, насупротивъ нынѣшняго сбора, гдѣ дома

евангелическаго духовенства и видѣются уцѣлѣвшіе памятники бывшаго здѣсь кладбища). Пекарскій и Раковскій были приговорены къ смертной казни, но успѣли бѣжать къ бранденбургскому курфирсту, покровителю евангеликовъ.

Во время войны съ Россіею, русскія войска, предводимыя кн. Хованскимъ, овладѣли Вильною 10 августа 1655 г. Въ одинъ этотъ день погибло, какъ пишутъ очевидцы, болѣе 25,000 жителей.

Татарская мечеть на Лукшикахъ въ Вильнѣ.

Едва въ 1661 г. Михаилъ Пацъ успѣлъ отнять городъ. Къ бѣдствіямъ войны присоединились голодъ и моровая язва. Извѣстный австрійскій посланникъ Меербергъ, посѣтивъ Вильню въ 1663 г., видѣлъ только на пепелищѣ громады камней и почернѣвшія стѣны.

Въ 1702 г. шведскія войска заняли Вильню, но въ слѣдующемъ году, 15 іюня Петръ Великій съ 50,000 войска прибылъ въ Вильню. Петръ Великій жилъ въ палатахъ Слушки, на Антоколѣ (гдѣ нынѣ каторжная тюрьма). Петръ 1 августа уѣхалъ въ Биржи, войска же оставались здѣсь до сентября, расположенныя на снѣжныхъ равнинахъ, по дорогѣ въ Тринополь. 26 января 1708 Петръ Великій вторично прибылъ въ Вильню и пробылъ здѣсь до 4 февраля, а въ мартѣ пріѣхали Карлъ XII и Станиславъ Лещинскій, учредившій здѣсь *senatus consilium* изъ 20 сенаторовъ, для составленія всеобщей амнистіи. Опять голодъ, моровая язва, пожары! Однихъ іезуитовъ погибло 117 человекъ. Насчитываютъ до 34,000 погибшихъ жителей. Люди ѣли собакъ, кошекъ, мышей. Даже въ окрестностяхъ поймано 8 человекъ, которые, умертвивъ своихъ женъ и дѣтей, съѣли ихъ трупы, а потомъ напали на проезжихъ, убивали и пожирали.

Соборъ Богородицъ.

Потомъ пожары 1741, 1748 и 1749 истребили лучшія зданія въ городѣ и много храмовъ и монастырей.

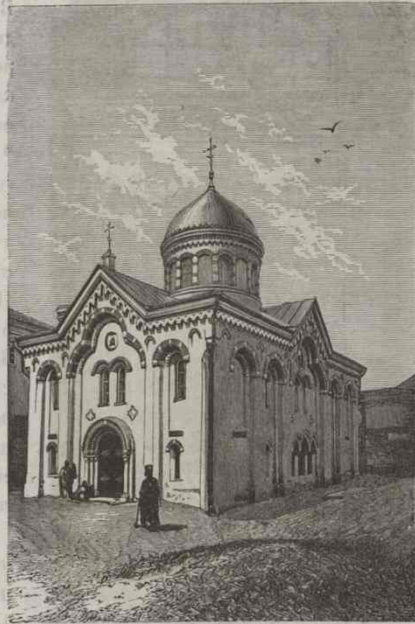
Въ 1788 русскія войска вступили въ Вильню. 19 апрѣля 1794 вспыхнуло возстаніе, предводимое генераломъ Ясинскимъ. Начальникъ русскаго войска, генералъ Арсеньевъ, полковникъ Языковъ, 40 офицеровъ и 964 человекъ солдатъ были обезоружены и заперты въ костелъ св. Казимира. Многіе были убиты или ранены. Маіоръ Тучковъ съ небольшимъ отрядомъ успѣлъ бѣжать черезъ Погулянку и соединился потомъ съ кн. Циціановымъ, бѣжавшимъ изъ Гродно. Гетманъ литовскій (русскій генералъ-лейтенантъ) графъ Шимонъ Коссовскій, подозрѣваемый въ измѣнѣ, по приговору военнаго суда, былъ повѣшенъ 25 апрѣля. 7 іюня русскія войска, подъ начальствомъ Кноринга и

Зубова, приблизились къ Вильнѣ. Первый атаковалъ городъ со стороны Острой браны, а послѣдній съ Полоцкой дороги напалъ на предметъ Зарѣчье. Полковникъ Дѣвѣвъ успѣлъ уже было проникнуть въ Остробрамскую улицу, но монахъ ордена Кармелитовъ босыхъ, Целница, выстрѣлилъ въ него изъ окошка часовни Пацѣвъ (при остробрамскомъ костелѣ св. Терезіи),

и убили наповалъ. Войска бѣжали. Виленскими войсками командовалъ генералъ Мейенъ; мѣщанинъ Горниовскій былъ главнымъ его сподвижникомъ. Защита продолжалась три недѣли съ отчаянною храбростію. Наконецъ 31 іюля городъ былъ взятъ. Дѣвъ похороненъ на восьмой верстѣ по Ошмянской дорогѣ. Ему воздвигли незатѣйливый памятникъ, сохранившійся до сихъ поръ. Въ это же время убитъ полковникъ Короваевъ.

Въ отечественную войну 1812 г. Вильно занимало видное мѣсто. Читатели наши не посѣтуютъ, если мы сообщимъ нѣсколько, мало извѣстныхъ, событій этого достопамятнаго времени.

14 апрѣля 1812 г. въ 2 часа пополудни громъ орудій и колокольный звонъ возвѣстили прибытіе императора Александра I. Встрѣча была приготовлена самая блестящая, какой въ прежнія посѣщенія никогда не было, хотя жители Литвы, боготворившіе Александра, каждый разъ старались заявить ему свою любовь и преданность. Государь вѣзжалъ съ Антоколя (по Свенцянской дорогѣ). Возлѣ Вершубки, т. е. на оконечности Антоколя, ожидалъ Государя главнокомандующій первою арміею Барклай-де-Голли, далѣе — виленскій магистратъ, всѣ городскія контуберніи и цехи со знаменами, булавами, значками, литаврами; еврейскій кагалъ съ десятословіемъ; всѣ монашествующіе возлѣ костела Іисуса; тысячи народа залили площади и улицы на всемъ пространствѣ отъ Вершубки до дворца, т. е. на разстояніи почти семи верстъ. Даже антокольскіе холмы, башни костеловъ, крыши домовъ усѣяны были народомъ. Возлѣ кафедральнаго собора ожидалъ канцлеръ съ епископомъ, далѣе студенты университета, университетскій сенатъ со всѣми профессорами и ректоромъ во главѣ (Иваномъ Снядецкимъ), воспитанники гимназій, военные и гражданскіе чины, многочисленное дворянство и наконецъ передъ самымъ дворцомъ много литовскихъ красавицъ большаго свѣта, разряженныхъ и съ букетами. Государь принималъ представителей разныхъ сословій, многіе были приглашаемы къ обѣду. 21-го, въ Свѣтлое Христово Воскресенье, Государю представлялись всѣ высшіе чины, дворянство, магистратъ, кагалъ и множество дамъ, неупускавшихъ ни одного случая явиться передъ Государемъ. Въ тотъ же день на Погулянкѣ были маневры. 25 Государь присутствовалъ на балу (въ домѣ Паца), данномъ дворянствомъ съ великолѣпнѣйшею обстановкою, съ аллегорическими транспарантами, кантатами, пѣніемъ. Кромѣ Барклая-де-Голли при Государѣ находились Наслѣдникъ Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, герцогъ Голштейнъ-Ольденбургскій Георгій, ревельскій военный губернаторъ герцогъ Августъ, Коновницынъ, князь Волконскій, Бенигсенъ, Балашевъ, Аракчеевъ, гр. Кочубей, Шишковъ и мн. др. Изъ Вильно писалъ Государь председателю государственнаго совѣта гр. Салтыкову о необходимости поднять оружіе. Государь часто посѣщалъ въ окрестностяхъ города Закреть, на берегу Вили, гдѣ іезуиты воздвигли для себя великолѣпныя палаты, перешедшія потомъ въ собственность генерала Бенигсена. Здѣсь 23 іюня данъ былъ великолѣпный балъ Императору. Приглашенныхъ было много и въ палатахъ не было достаточной по величинѣ залы для ужина. Поэтому поручено было профессору архитектуры въ виленскомъ университетѣ, курляндскому уроженцу, Шульцу, построить на дворѣ

Церковь св. Параскевы (Пятницкая).

большую открытую залу, на колоннахъ, съ крышею. Шульцъ поторошился исполнить порученіе и, хотя времени оставалось очень немного, успѣлъ воздвигнуть столовую, отличавшуюся изяществомъ отдѣлки, такъ что Императоръ и всѣ гости любовались постройкою. Но за два часа до ужина крыша этой залы рухнула. Испуганный Шульцъ, боясь, чтобы его не сочли злоумышленникомъ, бросился въ Вилію. Тѣло его вытащили черезъ нѣсколько дней въ 20 верстахъ отъ города. Здѣсь же въ Закретѣ, ночью, Государь получилъ извѣстіе о вступленіи полчищъ Наполеона, перешедшихъ Нѣманъ.

На слѣдующій день Императоръ Александръ уѣхалъ въ Свенцяны, гдѣ сосредоточивалась армія. Въ Вильнѣ оставался еще центръ арміи, состоявшій изъ 70,000, но при приближеніи непріятеля, Барклай-де-Толли отступилъ къ Нѣмечину. Мостъ на Виліи, называемый Зеленымъ,

Престолъ св. Казимира

былъ сожженъ. Всѣ магазины были истреблены. Въ Вильнѣ не оставалось ни одного солдата. Жители учредили стражу, заняли гауптвахту и городскіе посты. 28 іюня депутація отъ дворянства, имѣя во главѣ Ляхницкаго, а также виленскій магистратъ, встрѣтили Наполеона въ семи верстахъ отъ города на Понарскихъ горахъ и вручили ему городскіе ключи. Первымъ вступилъ въ городъ князь Доминикъ Радзивиллъ, съ состоявшимъ подъ его командою 8 уланскимъ полкомъ. Всѣмъ затѣмъ и Наполеонъ, осмотрѣвъ предварительно окрестности, вступилъ въ городъ съ отрядомъ конной гвардіи. Послѣ кратковременнаго отдыха во дворцѣ, Наполеонъ отправился на берега Виліи и велѣлъ наводить мосты. Здѣсь Наполеонъ просидѣлъ болѣе двухъ часовъ на простой скамейкѣ, разговаривая со всѣми подходившими къ нему. Піаристъ Глоговскій, хорошо говорившій по-французски, былъ переводчикомъ. Наполеонъ разспрашивалъ его объ Императорѣ Александрѣ, о положеніи края и города, о мануфактурной и промышленной дѣятельности.

Въ слѣдующіе дни Наполеонъ принималъ разныя депутаціи отъ города, отъ духовенства, отъ университета и т. д. 1 іюля учреждено было верховное правленіе. Предсѣдателемъ назначенъ былъ баронъ Гогендорфъ, правительственнымъ комиссаромъ баронъ Биньонъ; чле-

нами правленія назначены: графъ Осипъ Сѣраковскій, князь Александръ Сапѣга, Францъ Ельскій, ректоръ университета Иванъ Снядецкій; секретарями: подчашій графъ Юсифъ Коссаковскій и Иванъ Рихтеръ. Генеральнымъ казначеемъ назначенъ былъ виленскій казначей Эйсымонтъ. Царь далъ великолѣпный балъ Наполеону въ своемъ домѣ. Сюда пріѣзжалъ посланникъ императора Александра, Балашевъ, но, какъ извѣстно, переговоры были безуспѣшны. Сюда же прібылъ князь сербскій Милошъ. Наполеону очень понравился тогдашній редакторъ «Вилейскаго Вѣстника», Даниловичъ, хорошо говорившій по-французски. Онъ его сдѣлалъ директоромъ полиціи, съ предоставленіемъ ему права высылать всѣхъ подозрительныхъ въ Данцигъ.

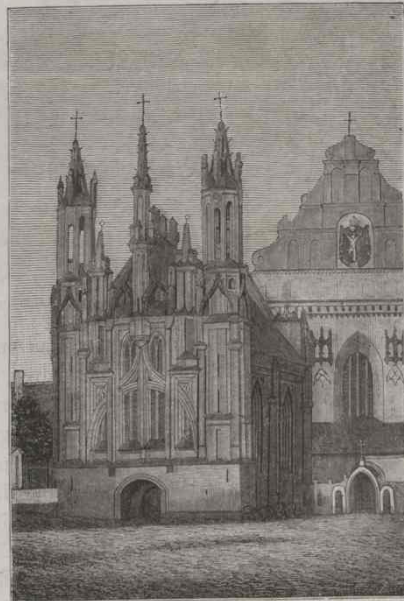
16 іюля Наполеонъ уѣхалъ къ арміи въ Свенцяны. Въ Вильнѣ остался литовскій генералъ-губернаторъ баронъ Гогендорфъ, виленскій военный губернаторъ генералъ Жомини, министръ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано и весь дипломатическій корпусъ, за исключеніемъ пословъ турецкаго, англійскаго и шведскаго. Въ каждой губерніи назначенъ былъ правительственный комитетъ; а въ каждомъ губернскомъ городѣ префектъ, въ уѣздныхъ же подпрефекты. Всѣ они подчинялись верховному правленію въ Вильнѣ. Интендантомъ былъ Де-Во, который прежде всего

заялся подробнымъ описаніемъ казенныхъ имѣній, а равно имѣній тѣхъ помѣщиковъ, которые усомнились въ успѣхѣ оружія Наполеона и удалились въ Россію. Жапдармское управленіе состояло подъ начальствомъ помѣщиковъ: Антона Храповицкаго, Осипа Буковскаго и Ивана Бучинскаго. Учреждена была также административная коммиссія, завѣдывавшая продовольствіемъ, магазинами, госпиталями. Она состояла подъ предсѣдательствомъ барона Николаи, членами же были графъ Адамъ Хрептовичъ и графъ Фердинандъ Пятеръ.

Вильно сдѣлалось главнымъ стратегическимъ пунктомъ. Особый отрядъ, изъ корпусовъ Удино и Сень-Сира, назначенъ былъ для прикрытія города Вильно. Сюда свозились изъ всей Литвы продовольственные матеріалы, учреждены магазины, депо, госпитали на 6000 человекъ, въ клиникѣ, въ гимназій, въ монастырѣ базилиановъ, въ Игнатьевскихъ казармахъ, въ монастырѣ піаристовъ, въ домѣ главной семинаріи, въ домѣ человеколюбиваго общества, а также въ окрестностяхъ города въ Веркахъ и Закретѣ; въ томъ самомъ зданіи, гдѣ былъ данъ послѣдній балъ императору Александру. Когда все зданіе было переполнено ранеными, вспыхнулъ пожаръ и большая часть раненыхъ сгорѣла.

Мы не станемъ передавать подробностей военныхъ дѣйствій. Они извѣстны изъ другихъ источниковъ. Скажемъ только, что, послѣ несчастной переправы черезъ Березину, Наполеонъ, сопровождаемый Коленкуромъ и Дюрокомъ, 23 ноября, при 28 градусахъ мороза, въ простыхъ саняхъ прискакалъ изъ Сморгонь въ Вильно. Здѣсь онъ имѣлъ краткое свиданіе съ Гогендорфомъ передъ почтовой станціей (на Завальной улицѣ), не выходя изъ саней, и перемѣнивъ лошадей поскакалъ въ Ковно, а 26 ноября, пробывъ въ Россіи 5 мѣсяцевъ и 14 дней, былъ уже за границей. Несчастныя толпы окопчѣвшихъ воиновъ великой арміи брели полуживыя къ Вильнѣ, преслѣдуемая Витгенштейномъ, Чаплицомъ, Платовымъ и Бороздинымъ. При одномъ только переходѣ отъ Сморгонь въ Вильно погибло до 20 т. Около 60 т. вошло въ Вильно, и здѣсь болѣе 15 т. больныхъ, раненыхъ и изнеможенныхъ легли въ госпиталяхъ. Здоровые, какъ безумные, бросались въ частные дома, прося нищи и платья. Остатки арміи направились въ Ковно; но въ семи верстахъ отъ Вильно имъ пришлось по гололедицѣ подниматься на значительную крутизну Понарескихъ высотъ, подъ смертоноснымъ огнемъ артиллеріи Платова, оставя на мѣстѣ свою артиллерію, обозы и казну. Кромѣ убитыхъ и раненыхъ, въ Вильнѣ остались плѣнными: 7 генераловъ (Ивановскій, Заюнчекъ, Vivier, Gosse, Normand, Guillon, Lifebre), 18 штабъ-офицеровъ, 224 оберъ-офицера, 9517 солдатъ. Къ концу ноября больныхъ и раненыхъ въ госпиталяхъ насчитывали 5139. Остальные вымерли. Въ арсеналѣ найдено 41 орудіе, множество понтоновъ и всякаго оружія, въ магазинахъ 14 т. четвертей ржи и 5 т. четвертей муки.

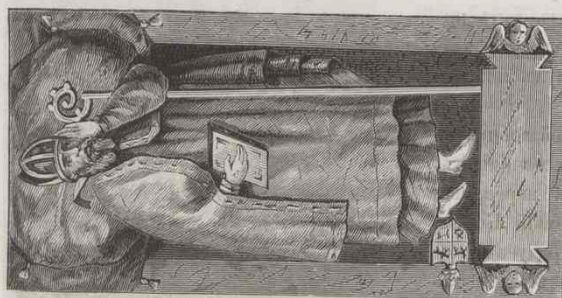
28 ноября генералъ Чаплицъ приблизился къ Вильнѣ съ Ошмянской дороги. 30 ноября въѣхалъ въ городъ Кутузовъ съ Бороздинымъ (отъ Нѣменчина и Червонаго Двора). Кутузовъ дважды былъ литовскимъ генералъ-губернаторомъ. Его здѣсь знали и любили. Понятно, обстановка тотчасъ измѣнилась. Его привѣтствовали какъ побѣдителя. Кутузовъ любилъ театръ и въ бытность свою въ Вильнѣ зналъ всѣхъ актеровъ, принималъ даже участіе въ постановкѣ

Костелъ св. Анны въ Вильнѣ.

песь, мирял поссорившихся, даже мужа съ женою. Матвѣй Кажинскій (отецъ талантливаго композитора Виктора Матвѣевича, долгое время бывшаго директоромъ александринскаго оркестра), во время господства Наполеона, разумѣется, подражалъ публикѣ; въ театрѣ вѣнчали бюстъ Наполеона лавровымъ вѣнкомъ, освѣщали бенгальскимъ огнемъ, читались оды, пѣлись кантаты. Прїѣзжаетъ Кутузовъ. Кажинскій, ни живъ, ни мертвъ, является по приглашенію во дворецъ. Кутузовъ подходитъ къ нему, ласково треплетъ по плечу и говоритъ: «знаю, знаю, ты здѣсь на славу отличался, восхваляя Наполеона; ну, теперь мы побѣдители, и я сегодня же буду въ театрѣ». И на сценѣ ярко засіяло эмблематическое изображеніе Кутузова съ надписью «спасителю отечества!» Поэтъ—профессоръ Словацкій написалъ оду, говорились хвалебныя рѣчи.

11 декабря, Кутузовъ, въ первый разъ во все продолженіе кампаніи, нарядившись въ полный генеральскій мундиръ, въ 5 часовъ вечера, стоялъ у дворцоваго подъѣзда съ почетнымъ

Гробница епископа князя Павла Ольшанскаго.

карауломъ. Прїѣхалъ Императоръ Александръ, обнялъ Кутузова и объ руку пошелъ съ нимъ во дворецъ. Тотчасъ же оберъ-гофъ-маршалъ гр. Толстой поднесъ на серебряномъ блюдѣ знаки ордена св. Георгія 1 ст., и Государь самъ возложилъ ихъ на Кутузова. На слѣдующій день во время обѣденнаго стола, стрѣляли изъ Наполеоновскихъ пушекъ, стоявшихъ на Замковой горѣ. Вечеромъ былъ балъ у Кутузова. Когда Государь вошелъ въ залу, Кутузовъ повергъ къ его стопамъ непріятельскія

знамена, только-что присланныя Платовымъ.

Этотъ день, 12 декабря, останется навсегда незабвеннымъ не только въ исторіи Литвы и Руси, но и всего человѣчества. Въ этотъ день Императоръ Александръ подписалъ манифестъ, провозгласившій: *забвеніе прошлаго, всеобщее прощеніе*.

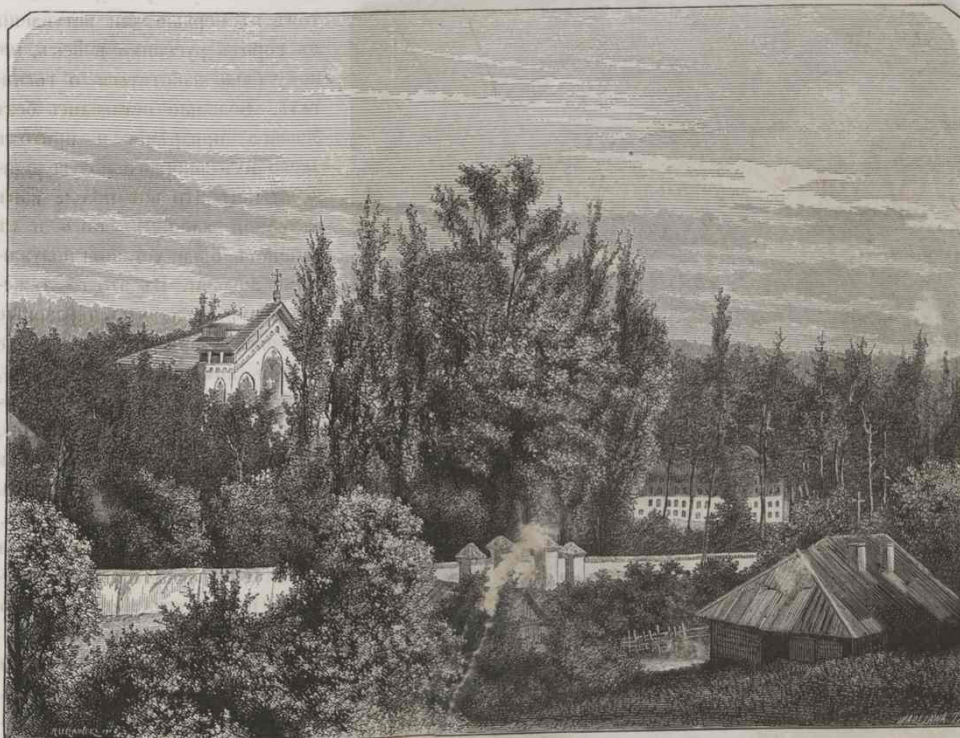
Это великодушное всепрощеніе сохранило край отъ разоренія, отъ эмиграціи, коей послѣдствія всегда столь пагубны для края. Никто не пострадалъ изъ участниковъ какъ временнаго правленія, такъ въ рядахъ великой арміи. Дворянство дало балъ Государю въ томъ же домѣ Паца, гдѣ былъ балъ и для Наполеона. Всѣ помилованные явились на балъ. Государь со многими разговаривалъ. Одинъ изъ Тышкевичей (кажется, Станиславъ) явился въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, по званію, которое ему было присвоено до войны. Во время же войны онъ состоялъ адъютантомъ, кажется, Мюрата. Государь велѣлъ подозвать его и ласково замѣнилъ: «адъютантскій мундиръ наполеоновскаго маршала не слѣдовало, безъ моего разрѣшенія, замѣнять камеръ-юнкерскимъ мундиромъ». Потомъ онъ былъ вновь пожалованъ въ камеръ-юнкеры.

Слава Наполеона, его льстивыя обѣщанія увлекли большинство жителей. Были однако люди, которые тотчасъ послѣ вступленія французскихъ войскъ предчувствовали гибельный исходъ войны для Наполеона. Имъ больше всего не нравилось неуваженіе французомъ къ религіознымъ предметамъ и грубое обращеніе съ духовенствомъ. Другіе замѣчали, что въ арміи не было достаточной воинской дисциплины и совершенное отсутствіе военной полиціи. Поражалъ наконецъ чрезвычайный падежъ лошадей, обнаружившійся еще въ Вильнѣ. Лошади, какъ тогда полагаали, падали отъ того, что ихъ кормили свѣжимъ хлѣбомъ.

Когда Наполеонъ вступилъ въ городъ, онъ велѣлъ поставить четыре пушки на Замковой горѣ, и изъ нихъ въ его присутствіи производили пальбу въ ознаменованіе занятія г. Вильно. Изъ этихъ же пушекъ многократно возвѣщали народу мнимыя побѣды Наполеона. Французы бѣжали. Кутузовъ занялъ Вильно и, какъ уже мы упомянули, изъ этихъ же пушекъ стрѣляли

во время объѣда, когда побѣдитель пилъ за здоровье Государя. Этого мало, изъ этихъ же орудій возвѣщали всѣ побѣды русскихъ войскъ за границую и конечную гибель ихъ прежняго влестелина. Только въ 1815 г. сданы онѣ были въ виленскій арсеналъ, а потомъ перевезены въ Москву.

Очевидцы рассказываютъ ужасы про несчастныхъ французовъ, во время ихъ бѣгства чрезъ Вильно. На Антокольскомъ предмѣстьѣ зарыто 5 т. труповъ замерзшихъ, умершихъ отъ ранъ, холода и голода. За Снинишками въ январѣ 1813 сожжено на одномъ большомъ кострѣ болѣе

Кладбище «Роса».

тысячи труповъ, собранныхъ изъ госпиталей, изъ погребовъ и склеповъ въ частныхъ домахъ, въ монастыряхъ, даже въ храмахъ, обнаружившихся, когда морозы стали полегче. Трупо-сожженіе присовѣтовалъ профессоръ Бекю, думая этимъ предотвратить заразу; но вышло наоборотъ: отъ сожиганія въ такомъ чрезмѣрномъ количествѣ распространился мiasmатическій убійственный воздухъ, породившій страшныя и неизлечимыя горячки. Въ городскихъ предмѣстьяхъ трупы лежали повсюду, такъ что съ трудомъ успѣвали убирать ихъ, притомъ же встрѣчая препятствіе со стороны цѣлыхъ стай собакъ, до того разлакомившихся на трупахъ, что потомъ и живымъ не было проходу. Послѣ неудачнаго опыта трупо-сожиганія, опять стали зарывать въ землю, много также труповъ брошено въ прорубь, подъ ледъ, на Вилии.

Еще болѣе печальны, леденящіе душу, рассказы очевидцевъ про больныхъ французовъ въ госпиталяхъ. Они могли бы показаться почти невѣроятными, если бы мы не находили подтвержденія ихъ въ запискахъ знаменитаго профессора Іосифа Франка. То же самое передавалъ намъ въ подробности уважаемый профессоръ Михаилъ Гомолицкій.

Еще въ 1804 г. Петръ Франкъ (отецъ Иосифа) устроилъ въ Вильнѣ патологическій кабинетъ въ зданіи клиники. Въ 1812 году въ немъ было уже очень много препаратовъ разныхъ частей человѣческаго тѣла, хранившихся въ стеклянныхъ сосудахъ, наполненныхъ спиртомъ. Когда французы вступили въ Вильно, все зданіе клиники занято было подъ госпиталь. Французскіе лекаря заботились о сохраненіи въ цѣлости патологическаго кабинета; но во время отступленія, при столь значительномъ наплывѣ раненыхъ и больныхъ, и помѣщеніе кабинета было занято ими.

Внутренній видъ б. костела Иисуса Христа на Антверпѣ, нынѣ церковь св. Михаила.

Въ продолженіе трехъ дней во время бѣгства Французовъ, и потомъ въ первые дни вступленія въ городъ русскихъ войскъ, некому было заботиться о госпиталѣ. Больные оставались безъ всякаго призрѣнія и притомъ число ихъ значительно увеличилось, такъ что всѣ посты, какъ въ самой клиникѣ, такъ и въ кабинетѣ, были устланы полуживыми людьми. Въ это-то тяжелое время, Французы, терзаемые голодомъ, томимые жаждою, не находя помощи, не имѣя силъ, чтобы оставить зданіе, въ отчаяніи, набросились на сосуды, съѣли препараты и выпили весь спиртъ. Конечно, большая часть изъ нихъ тутъ же нашла смерть. Легко вообразить, какая адская представилась картина этой безумной предсмертной оргіи, когда истерзанные, голодные, изувѣченные — съ жадностью глотали спиртъ и потомъ, онянѣвъ, подъ влияніемъ воспламеняющаго алкоголя, съ дикимъ ревомъ и неистовствомъ оканчивали свою жизнь.

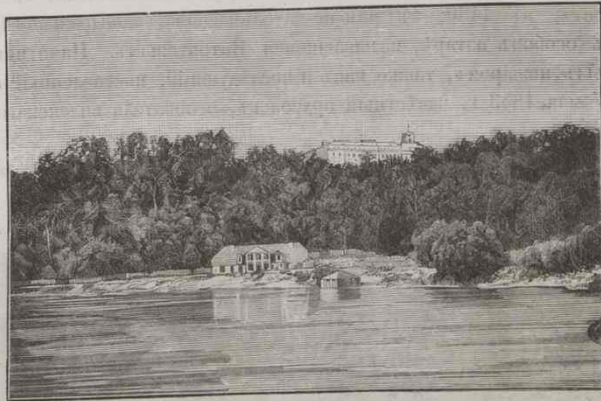
Другой несомнѣнный фактъ, какъ свидѣлствуютъ очевидцы, тотъ, что въ больницѣ,

устроенной въ гимназійномъ зданіи, больные, тоже забытые въ означенное время, изнуренные голодомъ, приползали къ смежнымъ кроватямъ, на коихъ лежали еще незастигшіе трупы, и грызли ихъ. Во всѣхъ больницахъ появился заразительный тифъ. Въ первые же дни по пріѣздѣ Государя обращено было вниманіе на больницы, и Александръ лично посѣтилъ всѣ эти зданія, въ томъ числѣ и клинику. Въ то же время установлена была госпитальная коммисія и назначены особые комисары для подаванія помощи несчастнымъ Французамъ.

Въ настоящее время въ Вильнѣ христіанскихъ храмовъ 53, еврейскихъ синагогъ 5, молитвенныхъ домовъ 72, магометанская мечеть 1 (всего 131). Въ томъ числѣ православныхъ: соборовъ 2: св. Николаевскій кафедральный и Пречистенскій; монастырей 3: св. Духовъ, Троицкій

и Маринскій женскій; церквей 15, часовень 2. Римско-католическихъ: кафедральный соборъ 1, церквей 14, монастырей 3: кармелитовъ древнихъ правилъ, монахинь бернардинокъ и монахинь бенедиктинокъ; раскольниковъ молежня 1, лютеранскихъ церквей 2, реформатская 1.

Изъ числа православныхъ храмовъ, соборъ Пречистыя Богородицы, знаменитѣйшій изъ всѣхъ, основанъ Іуліаніею Александровною, княжною Тверскою, второю супругою вел. князя Ольгерда, съ разрѣшенія и съ участіемъ послѣдняго. Нарбуттъ высказалъ мнѣніе, что св. Алексій, епископъ владимірскій, а потомъ митрополитъ московскій, находившійся въ Литвѣ около 1348 г., могъ освятить эту церковь. Предположеніе весьма вѣроятное, но не имѣющее никакихъ точныхъ указаній. Не менѣе того, съ легкой руки Нарбутта, новѣйшіе историки приняли за фактъ неопровержимый, что храмъ этотъ былъ освященъ св. Алексіемъ. Церковь эта получаетъ особенное историческое значеніе съ 1416 г., когда вел. кн. Витовтъ назначилъ ее кафедральнымъ соборомъ митрополитовъ Литвы и Западной Руси, и первый западно-русскій митрополитъ, Григорій Цимлакъ основалъ здѣсь свою кафедру. При соборѣ находились митрополичьи палаты. Въ 1609 г. соборъ былъ занятъ уніатами. Изъ развалинъ и запустѣнія храмъ этотъ возобновленъ и освященъ въ 1868 г.

Верки.

Къ древнѣйшимъ храмамъ принадлежитъ Пятницкая церковь, основанная первою супругою вел. кн. Ольгерда, Маріею Ярославною, княжною Витебскою. Изъ развалинъ возобновлена и освящена въ 1865 г. Св. Николаевскій кафедральный соборъ устроенъ изъ бывшаго іезуитскаго костела св. Казимира, основаннаго въ 1604 г., переделанъ и освященъ въ 1840 г.

Кафедральный римско-католическій соборъ во имя св. Станислава, какъ мы уже знаемъ, основанъ Ягайломъ въ 1387 г. Нѣсколько разъ истребляемый пожаромъ, въ нынѣшнемъ видѣ оконченъ постройкою по плану профессора Гудевича въ 1801 г. Въ особой мраморной часовнѣ, построенной Сигизмундомъ III и оконченной Владиславомъ IV въ 1636 г., въ серебряной рацѣ покоятся мощи св. Казимира Ягеллона. Здѣсь же, въ склепѣ почиваютъ останки короля польскаго и вел. князя литовскаго Александра Ягеллона, двухъ супруговъ Сигизмунда Августа.

Особенно замѣчателенъ костелъ св. Анны, воздвигнутый, по изслѣдованіямъ Нарбутта, въ 1396 г., второю супругою Витовта, Анною Святославовною, княжною Смоленскою. (Рисунокъ на стр. 155). Онъ являетъ чистѣйшій готическій стиль и до сихъ поръ сохранился очень хорошо, составляя единственный памятникъ въ этомъ родѣ.

Рядомъ съ этимъ костеломъ находится бывшій Бернардинскій монастырь съ костеломъ, построенный тоже въ готическомъ стилѣ въ концѣ XV ст. Во время бомбардированія города въ 1794 г. и вспыхнувшаго пожара весь фронтонъ съ одною изъ башенъ были разрушены. Отстроенный вновь лишился прежняго своего стиля, о которомъ теперь можно только имѣть понятіе по уцѣлѣвшей одной изъ башенъ, видной изъ внутри монастырскаго двора. Башня эта тоже составляетъ драгоценный памятникъ готическаго стиля.

Политическія бури и тревоженія, а также пожары истребили всѣ до одного памятники, воздвигнутые надъ прахами почившихъ здѣсь членовъ великокняжескихъ семействъ. Читатель не посѣтуетъ на насъ, ежели мы исчислимъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ,

гдѣ погребены лица царствовавшіе въ Литвѣ дома и гдѣ имъ были воздвигнуты памятники. Итакъ: князь Свинторогъ, вел. кн. Гедиминъ, кн. Кейстутъ сожжены по языческимъ обрядамъ въ долинѣ Свинторога. Затѣмъ похоронены: великая княгиня Марія Ярославовна, княжна Витбская, первая супруга вел. кн. Ольгерда, въ 1346 г., въ Пятницкой церкви; великій князь Ольгердъ — въ Пречистенскомъ соборѣ въ 1377; князь Коригайло Ольгердовичъ, убитый въ 1390 г., Александръ Вигундъ, братъ Ягайла, умершій вскорѣ послѣ Коригайлы, Анна Святославовна, княжна Смоленская, вторая жена Витовта, въ 1418 г., и самъ великій князь Витовтъ, въ 1430, въ римско-католическомъ кафедральномъ соборѣ св. Станислава, послѣдній въ особомъ алтарѣ, называвшемся Витовтовымъ. Памятникъ, поставленный ему, истребленъ былъ пожаромъ, также какъ и послѣдующій, поставленный епископомъ Протасевичемъ. Только 27 мая 1853 г. извѣстный археологъ, основатель виленаго музея древностей, графъ Евстафій

Костелъ въ Кальваріи.

Певичъ Тышкевичъ, воздвигъ скромный памятникъ герою литовскому, состоящій изъ мраморной доски съ тою же надписью, кака была положена на памятникъ, воздвигнутомъ Протасевичемъ. Внизу помѣщена икона Богородицы, подаренная Витовту императоромъ Мануиломъ II. Здѣсь помѣшенъ современный портретъ Витовта. Это единственный памятникъ царствующему лицу въ Вильнѣ. Въ томъ же соборѣ св. Станислава похоронены еще князь Сигизмундъ Кейстутовичъ, въ 1440, великій князь Свидригайло Ольгердовичъ, братъ Ягайла, умершій въ Луцкѣ, въ 1452 г., князь Миханлъ Сигизмундовичъ, внукъ Кейстута, въ 1452 г., Казиміръ Казиміровичъ, святой, сынъ короля польскаго и вел. кн. лит. Казиміра Ягеллона, 1484, король польскій и великій князь литовскій Александръ Ягеллонъ, въ 1506; третья супруга Витовта великая княгиня Іуліанія, княжна Гольшанская, похоронена въ 1448 г. въ костелѣ св. Анны, а супруги Сигизмунда Августа, Елисавета Австрійская, дочь Фердинанда короля римскаго, потомъ императора германскаго, умершая въ 1543, и Варвара, рожденная Радзивиллъ, ум. въ 1551; сердце и внутренности Владислава IV короля Польскаго, умершаго въ Меречѣ въ 1649 г.; королева польская, вел. кн. лит., Елена Іоанновна, супруга короля Александра, дочь Іоанна III Васильевича, царя московскаго, въ 1513, погребены въ митрополитальномъ Пречистенскомъ соборѣ. Надъ гробомъ послѣдней поставлена была икона Божіей Матери, которою Іоаннъ III благословилъ дочь свою передъ отъѣздомъ ея въ Вильно. Нынѣ икона эта находится въ Свято-Троицкой монастырской церкви.

Въ кафедральномъ рим.-кат. соборѣ уцѣлѣло нѣсколько памятниковъ епископовъ и другихъ лицъ. Особенно замѣчательны мраморный памятникъ епископа князя Павла Альгимунтовича Гольшанскаго (рисунокъ на стр. 156), и въ той же часовнѣ памятникъ Войцѣха Гальстода.

Окрестности города Вильно весьма живописны, богаты великолѣпными видами и многими достопримѣчательностями. Всѣ 9 кладбищъ въ окрестностяхъ города (5-ть римско-католическихъ, православное, евангелическое, татарское и еврейское) расположены въ очаровательныхъ мѣстностяхъ. Изъ нихъ римско-католическое кладбище, называемое «Роса»,

основано едва въ 1796 г. послѣ воспрещенія хоронить въ могильныхъ склепахъ при костелахъ или въ землѣ вблизи костела, нѣрѣдко среди самаго города. Кладбище это расположено въ долинѣ, называемой Роса, на которой съ древнѣйшихъ временъ Литовцы праздновали день богини Лады (23 июня). Здѣсь зажигались костры, народъ прыгалъ черезъ огонь, приносилъ въ жертву богинѣ бѣлыхъ пѣтуховъ; пляски и пѣсни съ часто повторяемымъ пригвѣвомъ Lado, Lado, Lado, didie musu dewe! т. е. Ладо, Ладо, Ладо, великая наша богиня! продолжались всю ночь. Въ долинѣ, позади кладбища, и до сихъ поръ наканунѣ Иванова дни собираются жители города Вильно на гулянье. Въ послѣднее время эту долину прорѣзала линія желѣзной дороги.

По живописности мѣстоположенія отличается Антокольское предмѣстье, тянущееся по берегу Вилии почти на протяженіи 6 верстъ. Здѣсь на самомъ берегу Вилии находятся нѣкогда великолѣпныя палаты, основанныя въ 1690 г. полоцкимъ воеводою Слушкою, въ которыхъ послѣ разрушенія нижняго замка, т. е. великокняжескаго дворца, останавливались короли польскіе; когда пріѣзжали въ Вильно, тутъ жилъ и Петръ Великій. Потомъ домъ этотъ принадлежалъ Зайковскимъ, затѣмъ помѣщались казармы гарнизоннаго батальона, а нынѣ устроена каторжная тюрьма. Любопытная надпись на большой мраморной доскѣ, помѣщенной надъ входомъ, въ которой гордый Слушка гласитъ, что побѣдитель стихій покорилъ воды Вилии, раздвинулъ окрестныя горы и собственными силами, какъ новая гора, сталъ въ воздухъ! Вся эта галиматья, разумеется, относится къ этому дому, или палатамъ.

Далѣе на Антоколи замѣчательнъ костелъ св. Петра и Павла, воздвигнутый гетманомъ Пацомъ въ 1668 г., на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по преданію было капище богини Мильды и гдѣ во времена Ягайла построенъ былъ деревянный храмъ. Наружность храма напоминаетъ извѣстный соборъ св. Петра въ Римѣ, внутри же весь храмъ украшенъ слишкомъ двумя тысячами фигуръ, статуй и цѣлыхъ группъ скульптурной рельефной работы итальянцевъ Петра Перетти изъ Милана и Джовани Галли изъ Рима.

Затѣмъ на этомъ же предмѣстьѣ обширна зданія военнаго госпиталя съ большимъ садомъ. Здѣсь, по преданію, была валгалла литовскихъ боговъ; на ея мѣстѣ, или, какъ нѣкоторые полагаютъ, изъ развалинъ ея Сапѣги въ XVI ст. устроили великолѣпныя палаты, украшенныя фресками Дельбена. (Рисунокъ этихъ развалинъ представленъ на стр. 146).

За госпиталемъ красуется весьма замѣчательная по архитектурѣ церковь св. Михаила, бывшій костелъ Иисуса Христа, построенный, по образцу св. Карла въ Римѣ, гетманомъ Іоанномъ Казимиромъ Сапѣгою въ 1696 г. На главномъ престолѣ стояло изваяніе Спасителя, привезенное, какъ гласитъ преданіе, двѣнадцатью волами изъ Рима (нынѣ помѣщенное въ костелѣ св. Петра и Павла). Представляемъ здѣсь рисунокъ внутреннейности этого прекраснаго храма, въ томъ видѣ, какъ она была во время существованія костела.

Антоколь заканчивается Вершубкою, гдѣ былъ лѣтній дворецъ великихъ князей литовскихъ съ обширнымъ звѣрищемъ. Въ 1853 г. открыты мною фундаменты этого дворца.

За Зеленымъ мостомъ и предмѣстьемъ Снинашки три мѣстности обращаютъ на себя особенное вниманіе. Это Тринополь, гдѣ былъ костелъ и монастырь Тринитаріевъ, а въ сороковыхъ годахъ покойнымъ митрополитомъ литовскимъ Іосифомъ (Сѣманко) отлично отдѣланный загородный домъ съ церковью св. Іосифа и прекраснымъ паркомъ. Архипастырь украсилъ этотъ домъ картинною галереєю. Тринополь расположенъ надъ самою Вилією. Далѣе въ двухъ верстахъ отсюда виднѣются на высокой горѣ очаровательныя Верки, воспѣтыя поэтами, прославленныя живописцами и удивляющія каждого туриста великолѣпнѣемъ видовъ и своею величавою, богатою природою. Верки во времена язычества принадлежали Криве-Кривейту, потомъ, какъ бы по наслѣдству, перешли къ виленскимъ епископамъ, но подъ конецъ прошлаго столѣтія епископъ князь Масальскій путемъ обмѣна пріобрѣлъ ихъ въ собственность и украсилъ великолѣпными зданіями. Когда Масальскаго повѣсили въ Варшавѣ (1794), Верки перешли

въ чужія руки, а нынѣ принадлежать князю Витгенштейну. Замѣчательно здѣсь собраніе латъ и доспѣховъ рода Радзивилловъ, перевезенное изъ Несвижа (мать нынѣшняго владѣльца была княжна Радзивилль). Вблизи Верокъ, въ мѣстности называемой Новыя Верки, находится писчебумажная фабрика Черно-Шварца.

Между Верками и Тринополемъ, въ лѣсу, надъ крутыми оврагами, прорѣзываемыми быстрыми ручьями, на пространствѣ 6 верстъ, въ мѣстахъ особенно живописныхъ, разбросаны по разнымъ направленіямъ каменные часовни, съ иконами, изображающими страданія Спасителя. Въ Духовъ день и цѣлую послѣдующую недѣлю, много тысячъ путниковъ изъ далекихъ мѣстъ собираются сюда и, раздѣляясь на множество пестрыхъ группъ, изъ коихъ каждая имѣетъ своего путеводителя, странствуютъ отъ одной часовни до другой и потомъ приближаются къ высокой горѣ на небольшой полянѣ. Это Кальварія. Здѣсь, на самой вершинѣ построены костелъ, вокругъ котораго тоже нѣсколько часовенъ. Въ этомъ костелѣ и заканчивается молебствіе въ память страданій Спасителя. Часовни эти основаны епископомъ Юріемъ Бялоромъ въ 1564 г. Нынѣшній костелъ воздвигнутъ въ 1755 г.

Разнообразіе всѣхъ восточныя окрестности города, извѣстныя подъ общимъ именемъ *Поплавъ*. Здѣсь, на крутой горѣ, на берегу Вилейки, стояли палаты знаменитыхъ вельможъ Кишкочъ. Фундаменты этихъ палатъ открыты мною въ 1853 году. Мѣстность эта принадлежитъ къ имѣнію Маркуцямъ, нѣкогда составлявшему загородное помѣстье вел. князей литовскихъ. Король Александръ подарилъ Маркуци супругѣ своей Еленѣ Іоанновнѣ. Она построила здѣсь лѣтній дворецъ, но потомъ подарила это имѣніе съ дворцомъ придворному своему Унковскому, отъ котораго около 1540 г. оно перешло къ Кишкамъ, а въ XVII ст. къ Ходкевичамъ.

Недалеко отъ Маркуць находится самая возвышенная мѣстность въ окрестностяхъ г. Вильно, называемая *Гуры*, нѣкогда владѣніе Пацовъ, любимое мѣсто прогулокъ Императора Александра I. Здѣсь же, въ живописной роцѣ собирались филареты и филوماتы.

Древній гербъ города Вильно